

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

ГАВРИЛОВ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

**ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ БАССЕЙНА ДЕСНЫ
И СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

Исторические науки:
специальность 5.6.3. Археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва
2025

Работа выполнена в отделе археологии каменного века Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук

Официальные оппоненты:

Сергей Александрович Васильев, доктор исторических наук, научный руководитель Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории материальной культуры Российской академии наук, заведующий Отделом палеолита ИИМК РАН, Санкт-Петербург.

Владислав Сергеевич Житенев, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Москва.

Павел Юрьевич Павлов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела археологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уальского отделения Российской академии наук, Сыктывкар.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск.

Защита состоится «3» октября 2025 г. в 12.00 на заседании Диссертационного совета 24.1.031.01 (Д002.007.01) по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии Российской академии наук по адресу: г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, 4-й этаж, конференц-зал

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИА РАН по адресу: Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, а также на сайте ИА РАН, в разделе Диссертационный совет: <https://archaeolog.ru/pub/dissertation-council-announcements>

Автореферат разослан «_____» _____ 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

И.А. Дружинина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изучение верхнего палеолита центральных районов Русской равнины имеет ключевое значение для понимания проблематики этой эпохи на территории всей Восточной Европы. Конкретная специфика археологических памятников, а также исторические обстоятельства, в которых происходило их изучение, равно как и личности самих исследователей определили круг фундаментальных вопросов, которые важны для понимания истории первобытного общества на территории современной России и постсоветских государств.

В настоящее время актуальность работ, посвящённых рассмотрению общих и региональных особенностей развития материальной культуры верхнего палеолита Восточно-Европейской (Русской) равнины, обусловлена несколькими причинами. Во-первых, последнее обобщение материалов, характеризующих верхний палеолит данного региона, было дано в середине 1980-х годов (Рогачев, Аникович, 1984; Soffer, 1985). За последние тридцать лет при исследовании верхнего палеолита центральных районов Русской равнины, как, впрочем, и других областей Восточной Европы, был получен значительный объём информации хронологии и периодизации позднего палеолита. Существенно пополнились наши сведения о характере опорных памятников, их пространственной организации, технологических и типологических характеристиках каменных и костяных индустрий, а также памятников искусства малых форм. Были открыты новые стоянки, материалы которых существенным образом изменили наши представления о разнообразии проявлений верхнепалеолитической материальной культуры на территории бассейна Десны. Наконец, изменились подходы исследователей к самой оценке культурной специфики памятников. Очень важную информацию в этой связи предоставляют результаты исследований, посвящённых изучению технологии производства каменных и костяных изделий памятников восточного граветта и эпиграветта. Объём накопленной

к настоящему времени новой информации делает необходимыми исследования, направленные на обобщение этих данных в широких региональных и временных рамках.

Во-вторых, без учёта новых данных в настоящее время невозможны корректные определения таксономического статуса рассматриваемых явлений и, соответственно, их дальнейший анализ. Например, имеющиеся данные о культурной вариабельности, хронологии, периодизации восточно- и центральноевропейского граветта позволяют по-новому рассмотреть проблематику возникновения граветта на территории Восточно-Европейской равнины. По-прежнему актуальна проблематика, связанная с характеристикой перехода от средней к поздней поре верхнего палеолита. В частности, остаётся нерешённым вопрос о том, существовала ли при этом культурная преемственность и, если существовала, как она проявлялась.

В-третьих, объективная потребность в выявлении общих закономерностей развития верхнего палеолита на территории Восточной Европы только усилилась после отказа отечественных исследователей от концепции археологических культур в том виде, как она существовала и развивалась в советском палеолитоведении до начала 1990-х годов. В результате этого процесса, общая итоговая характеристика археологических культур верхнего палеолита на территории Восточно-Европейской равнины, вне зависимости от авторства, получалась дробной. Не случайно один из главных тезисов оппонентов А.Н. Рогачёва – П.И. Борисковского и П.П. Ефименко, состоял в том, что чрезмерное внимание к локальным проявлениям верхнепалеолитической культуры затруднит, а то и сделает невозможным, как раз изучение упомянутых закономерностей.

Впрочем, понимание этого обстоятельства не могло привести к возрождению стадиалистской концепции, несмотря на справедливость тезисов П.И. Борисковского в его полемике с А.Н. Рогачёвым (Борисковский, 1957). В настоящее время, разумеется, дискуссия такого рода представляет исключительно историографический интерес. Выход из сложившейся

ситуации исследователями виделся в помещении известных к тому времени фактов в общеевропейский контекст. Нельзя сказать, что ранее такого рода задачи не ставились. Наоборот, и работы начала XX века, и исследования 1920-1930-х и, тем более, 1950-1960-х годов были ориентированы, в том числе, на выявление общих закономерностей развития палеолитической культуры, используя сопоставление с зарубежными материалами, несмотря на всю критику «буржуазных» концепций. Однако анализ археологических материалов с позиций концепции археологических культур привёл к известному перекосу при характеристике особенностей материальной культуры памятников в сторону их региональной и даже локальной специфики. Соответственно, по мере осознания того, что за такого рода спецификой теряется общая картина, появилось стремление к включению памятников в более широкие группы и объединению их с общеевропейскими культурно-историческими образованиями, такими как ориньяк, граветт, эпиграветт, мадлен. Начиная со второй половины 1990-х годов, обобщения археологического материала шли именно в этом направлении (Абрамова, Григорьева, 1997; Амирханов, 1998; Демиденко, 1999; Лисицын, 1999). Этот процесс отражал внутреннюю логику развития отечественной науки. Он продолжался и в 2000-е годы. Пожалуй, единственная работа, написанная в этот период в рамках культуралистской парадигмы и посвящённая общему взгляду на верхний палеолит Подесенья, принадлежит Л.В. Греховой. В ней, помимо прочего, был тезисно сформулирован взгляд на материальную культуру стоянки Хотылёво 2 как на проявление отдельного от костёнковского типа (Грехова, 2005).

Начиная с 2010-х годов, при сохранении прежних подходов рассматривать среднерусские верхнепалеолитические стоянки в рамках общеевропейского контекста, возникла ещё одна тенденция, которая оказалась «хорошо забытым старым» в новых условиях. Она проявилась в стремлении вновь вычленить некоторые локальные варианты, например, внутри граветта или эпиграветта (Нужный, 2015; Лисицын, 2019). В обоих

случаях эти варианты во многом, хотя и не полностью, соответствовали прежним археологическим культурам, однако теперь они находили свои соответствия в верхнем палеолите Центральной, а по отдельным характеристикам – и Западной Европы.

Объектом исследования предлагаемой к защите работы являются закономерности развития материальной культуры верхнепалеолитических сообществ охотников и собирателей центральных районов Восточно-Европейской (Русской) равнины. Соответственно, **предметом исследования** являются сохранившиеся материальные остатки позднепалеолитических поселений на территории бассейнов Десны, включая Посеймье, и Среднего Поднепровья: археологические объекты, предметы каменного и костяного инвентаря, произведения искусства, а также данные о пространственной структуре и возрасте этих памятников.

Цели и задачи. Целью данного диссертационного исследования является характеристика развития культуры верхнего палеолита центральных районов Русской равнины как непрерывного процесса, подчиняющегося общим для Восточноевропейского региона закономерностям и, в то же время, сочетающегося с локальными проявлениями этих закономерностей на уровне отдельных категорий материальной культуры, памятников и культурно-исторических локальных региональных объединений.

Главной задачей при анализе археологических источников стала разработка типологической характеристики исследуемых объектов. Помимо названной выше исследовательской задачи перед автором представляемой к защите диссертационного исследования стояли и другие, непосредственно связанные с основной задачей, а именно: 1) характеристика хронологии и периодизации верхнего палеолита бассейна Десны и Среднего Поднепровья; 2) определения места опорных памятников верхнего палеолита рассматриваемой территории в культурной системе координат верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы; 3) характеристика тех черт в

материальной культуре разновременных верхнепалеолитических памятников Подесенья и Среднего Поднепровья, которые указывают как на преемственность, так и на прерывистость в развитии традиций, запечатлённых на стоянках, расположенных на рассматриваемых территориях.

Новизна исследования. Научная новизна данного исследования состоит в синтезе данных о типологии каменных индустрий, предметов искусства малых форм и археологических объектов поселений, с опорой на единый методологический подход автора, и реконструкции на этой основе процесса последовательного развития культуры верхнепалеолитических социумов на территории Центра Русской равнины. Эволюция верхнепалеолитической культуры в данном случае рассматривается как результат взаимодействия живших на рассматриваемой территории различных коллективов охотников и собирателей, при сохранении в различные периоды верхнего палеолита их культурного своеобразия.

В представленной к защите диссертационной работе впервые на конкретном материале обширного региона Центра Русской равнины предпринята попытка концептуального синтеза тех методических подходов стадиализма и культурализма к анализу особенностей развития верхнепалеолитической материальной культуры, которые не противоречат друг другу и позволяют избежать крайностей обеих концепций. В работе обобщены все доступные в настоящее время материалы, характеризующие морфологию каменных изделий, с учётом результатов соответствующих исследований в области технологического анализа, стилистику и иконографию произведений искусства малых форм, а также пространственно-структурные характеристики как отдельных объектов, так и поселенческих комплексов в целом.

Источниковая база. Источниками для проведения исследовательской работы, результаты которой предлагаются к защите, послужили коллекции

каменных, костяных и бивневых изделий стоянок верхнего палеолита Центральных районов Русской равнины, архивные материалы отчётов об их раскопках, а также сведения об этих памятниках, опубликованные в специальной литературе.

Коллекционные материалы представлены собраниями, хранящимися в фондах Государственного Исторического музея (г. Москва), Музея антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера) (г. Санкт-Петербург), Брянского государственного объединённого краеведческого музея (г. Брянск), Археологического музея ИА НАНУ (г. Киев). Соответственно, в этих музеях были просмотрены коллекции из раскопок стоянок: Тимоновка II, Елисеевичи I и II, Авдеево, Супонево, Тимоновка I, Костёнки 8 (сл. II), Хотылёво 2, Межиричи, Радомышль.

В общей сложности, в ходе проведения исследований были проанализированы материалы 22 верхнепалеолитических памятников. Общий объём просмотренных коллекционных материалов превысил 34000 предметов из расщеплённого кремня, и 300 изделий из кости и бивня. В исследовании также проведёно обобщение результатов радиоуглеродного датирования памятников, массив радиоуглеродных дат включает 279 определений.

Материалы, документирующие процесс и результаты раскопок стоянок Хотылёво 2 (раскопки Ф.М. Заверняева), Авдеево (раскопки Г.П. Григорьева и М.Д. Гвоздовер), Радомышль (раскопки И.Г. Шовкопляса), были проработаны в архивах Института археологии РАН (г. Москва) и Института археологии НАНУ (г. Киев).

Методические подходы.

Реконструкция закономерностей развития культуры и повседневной жизни человека по материальным остаткам его жизнедеятельности являются конечными исследовательскими целями археологии как науки. Археология первобытности является самостоятельной исторической дисциплиной, с

присущими ей предметом и объектом исследований, источниковедением, методологией и методиками анализа источников, а также соответствующей проблематикой. Одно из центральных мест в ней занимает вопрос о закономерностях развития материальной культуры древних сообществ, лежащих в основе как смены археологических эпох, так и в существовании культурной вариативности на тех или иных территориях. В данном случае, термин «культура» имеет максимально широкий смысл, а именно: «исторически сложившийся образ жизни людей, включающий в себя ценности и нормы, верования и обряды, знания и умения, обычаи и установления, технику и технологии, способы мышления, деятельности, взаимодействия и коммуникации и т. д.». ¹ Соответственно, под материальной культурой понимается система артефактов, целенаправленно созданная людьми и необходимая для поддержания того или иного образа их жизни. Материальная культура формирует искусственную среду обитания человеческого сообщества и одновременно является средством взаимодействия людей с природным, «естественным» ², окружением.

Методологическая база диссертационного исследования состоит в признании относительной автономности процесса развития культуры первобытных социумов. Традиционно основные изменения в материальной культуре первобытного общества в современной археологической литературе объясняются воздействием природного окружения. Однако подобная прямая связь не может объяснить существование в одно и то же время глобальных технокомплексов, таких как микок, селет, ориньяк, граветт, на территориях с различными природно-географическими условиями. И наоборот, существование разнотерриториальных памятников в одинаковых природных условиях – факт, на который обратил внимание А.Н. Рогачёв ещё в конце 1960-х годов (Рогачев, 1969). В более радикальном виде этот тезис был сформулирован М.В. Аниковичем: «нетрудно убедиться в том, что в своих

¹ Культура // БРЭ <https://bigenc.ru/philosophy/text/2120919#>

² В данном случае к «естественному» окружению относятся также биологическая природа человека, поскольку культура и на неё накладывает определённые ограничения.

основополагающих моментах история человечества развивается всё-таки вне зависимости от изменений природной среды» (Аникович, 2010, с. 38). Представляется, что в такой формулировке это положение является преувеличением, но оно отнюдь не случайно и вызвано чрезмерностями интерпретаций археологических материалов в рамках концепций географического детерминизма и им подобных. Автономность культуры в первобытную эпоху не могла не поддерживаться лежащими в её основе накопленным опытом и традициями, а также обменом идеями между соседними сообществами. Природное окружение, традиционно рассматриваемое как внешний стимул для развития первобытной культуры, служило поставщиком исходных материальных ресурсов, использование и оформление которых зависело как от их физических свойств, так и, в значительной степени, от имеющегося у человечества в данный конкретный исторический период жизненного опыта, идей, знаний, технологий.

В ходе выполнения диссертационного исследования археологические источники подвергались типологическому, сравнительно-историческому и картографическому анализу. Сравнительно-исторический и картографический анализ данных был подчинён типологическому. Соответственно, основным методом исследования является типологический. Типологическому анализу были подвергнуты предметы с вторичной обработкой, произведения искусства малых форм и археологические объекты позднепалеолитических памятников бассейна Верхней и Средней Десны, Посеймья, а также – Среднего Поднепровья. В данном случае использование типологического метода анализа опиралось на понимание того, что его основной целью является не только разработка классификации изучаемых предметов: орудий, памятников искусства, структурно значимых элементов пространственной организации поселений, а прежде всего – выявление их сущностных черт. Очевидно, что каждая типология является классификацией, но не каждая классификация, которая служит систематизации имеющихся фактов, является типологией. Типология,

применительно к задачам данного исследования, разрабатывалась для выявления специфических форм предметов и археологических объектов, которые маркируют как стадияльные, так и региональные особенности памятников археологии Центра Русской равнины, относящихся к верхнепалеолитической эпохе. Помимо выделения типов орудий, предметов искусства и археологических объектов, которые должны были отражать региональную и хронологическую специфику памятников (стоянок, поселений и т.д.), типологический анализ был направлен на выявление таких форм артефактов, которые являлись общими для последовательно сменяющихся периодов, выделяемых для Восточной Европы в рамках верхнего палеолита. Подобные формы выделялись на основе результатов систематического анализа и сравнительной характеристики археологических источников, а также – данных о возрасте памятников и взаимном расположении их на рассматриваемой территории. Их таксономический статус внутри соответствующих классификаций не обязательно соответствует одному и тому же уровню. Например, ножи костёнковского типа могут быть отнесены к самостоятельной категории орудий, внутри которой выделяются различные группы, отражающие степень утилизации этих предметов (Лев и др., 2009). Однако в большинстве случаев типы выделяются на более низком таксономическом уровне, например – граветтские острия (Lacorre, 1960).

В данном исследовании основное внимание среди анализируемых материалов обращалось, прежде всего, на морфологические характеристики выделяемых на исследуемых памятниках категорий каменных и костяных изделий, произведений искусства, а также археологических объектов, определяющих пространственную структуру поселений. Предполагается, что морфология анализируемых артефактов связана с их внутренней структурой и отражают стилистику, технологию и/или способы изготовления, а также место в общей структуре материальной культуры и пространственной организации археологического памятника.

Теоретическая и практическая значимость. В работе представлена целостная научная концепция развития материальной культуры верхнего палеолита центральных районов Русской равнины, обобщившая результаты исследования всех известных на сегодняшний день опорных памятников средней и поздней поры этой археологической эпохи. Впервые на основе комплексного анализа особенностей археологических объектов и общей пространственной структуры поселений, типологических характеристик каменного и костяного инвентаря, стилистических и иконографических особенностей произведений искусства малых форм, ранее рассматривавшихся, как правило, в отрыве друг от друга, раскрыты закономерности развития и трансформации материальной культуры памятников средней и поздней поры верхнего палеолита от восточноевропейского граветта к эпиграветту. Сформулирована гипотеза о полигенетическом характере восточноевропейского граветта. Определены характерные черты материальной культуры памятников, относящихся к периоду пика LGM, которые свидетельствуют о культурной преемственности между восточноевропейским граветтом и эпиграветтом. Полученные в результате выполнения представленного к защите исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории Восточной Европы в древнекаменном веке, составлении тематических музейных выставок и постоянных экспозиций, посвящённых культуре каменного века на территории Центра русской равнины, а также при составлении специальных учебных курсов для студентов вузов, специализирующихся по специальности «Археология».

Научные положения, выносимые на защиту.

1. Материальная культура верхнего палеолита на территории центральных районов Русской равнины характеризуется поступательным и непрерывным развитием на протяжении, по крайней мере, средней и поздней поры, то есть - от 25/24 до 14/12 тыс. радиоуглеродных л.н. (некал.).

2. В Верхнем и Среднем Подесенье, в окрестностях сёл Хотылёво и Пушкари, зафиксированы стоянки и местонахождения, относящиеся к так называемому брянскому времени. Отсутствие в других районах Центра Русской равнины стоянок ранней поры верхнего палеолита отражает степень обследованности данной территории. Хотылёвские стоянки этого периода имеют каменный инвентарь ориньякоидного облика, однако их культурная атрибуция преждевременна из-за малочисленности имеющихся коллекций. Есть основания предполагать существование в этом районе раннеграветтского комплекса - Хотылёво 2, пункт Д, сл. 3.
3. На протяжении средней и поздней поры верхнего палеолита центральные районы Русской равнины были заселены непрерывно. Имеющиеся данные не позволяют говорить о полной депопуляции этой территории.
4. Памятники среднего и позднего верхнего палеолита относятся к различным вариантам восточного граветта и эпиграветта соответственно. Вариабельность их материальной культуры таксономически соотносится с вариабельностью культуры памятников граветта и эпиграветта Восточной и Центральной Европы, и свидетельствует о полигенетическом характере этих явлений.
5. Культурная вариабельность памятников граветта и эпиграветта Центра Русской равнины отражает как их стадияльное положение внутри данных групп, так и принадлежность этих вариантов к различным археологическим культурам.
6. Между материальной культурой восточного граветта и эпиграветта на территории Центра Русской равнины существует преемственность, которая проявляется в следующем: 1) общность основных приёмов вторичной обработки орудий; 2) сходство иконографии символически-знаковых и зооморфных

художественных образов; 3) единый мотив при построении орнамента в виде многорядного зигзага; 4) общность принципов укладки и вкапывания костей мамонта в археологических объектах с костно-земляными конструкциями.

7. Трансформация материальной культуры верхнего палеолита на территории Центра Русской равнины, происходившая во время климатического минимума периода LGM (20-18 тыс. некал. радиоуглеродных л.н.), характеризуется появлением памятников с каменным инвентарём "эпиориньякского" облика (Радомышль, Оболонье, Гордашовка I, памятники замятнинской археологической культуры). Искусство "эпиориньякских" памятников приледниковой зоны Восточной Европы иконографически и стилистически связывает искусство памятников восточного граветта и эпиграветта.
8. Результатами этой трансформации стали: 1) обеднение типологического облика каменного инвентаря эпиграветтских стоянок позднего верхнего палеолита; 2) упрощение иконографии женского образа в мелкой пластике; 3) появление новых орнаментальных композиций; 4) возникновение крупных костно-земляных конструкций аносовско-мезинского типа.
9. По сравнению с искусством восточного граветта Русской равнины, которое характеризуется стилистическим и иконографическим единством, в искусстве восточного эпиграветта этого региона наблюдается возникновение стилистического разнообразия антропоморфной скульптуры и орнаментальных композиций, которые характеризуют культурную специфику вариантов восточноевропейского эпиграветта приледниковой зоны Русской равнины.
10. Костно-земляные конструкции аносовско-мезинского типа - это результат длительной, по времени процесса развития, традиции создания скоплений преднамеренно уложенных и вкопанных костей

животных, преимущественно - мамонта, которая в верхнем палеолите впервые фиксируется в Центральной Европе в раннем граветте (стоянка Миловице I). Тафономические и пространственные характеристики этих объектов дают основания отвергнуть их традиционную интерпретацию в качестве остатков конструкций жилищ и позволяют рассматривать их как объекты культового характера.

Апробация результатов исследования.

Положения диссертации неоднократно обсуждались на заседаниях Отдела археологии каменного века ИА РАН, докладывались на IV (XX) и V (XXI) Всероссийских Археологических съездах, на III Северном археологическом Конгрессе, конференциях по проблематике каменного века (2011 г.), IX Всероссийском совещании по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы Квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований», 2015 г. (Иркутск, Россия), рабочее совещание «Культурный слой...», 2016 г. (Москва, Россия), «Позднепалеолитические памятники Восточной Европы» (к 100-летию со дня рождения М.Д. Гвоздовер), 2017 г. (Москва, Россия), X Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований», 2017 г. (Москва, Россия), круглый стол «Охотничье вооружение в культурах верхнего палеолита, мезолита и неолита Европы: типология, технология и трасология», 2018 г. (Москва, Россия), общероссийской научной конференции с международным участием «Четвертые Замятинские чтения. Поздняя пора верхнего палеолита на Русской равнине: восточный эпиграветт, восточный мадлен, эпиориньяк?», 2018 г. (С.-Петербург, Россия), Всероссийская научная конференция (с международным участием) «Геохронология четвертичного периода: инструментальные методы датирования новейших отложений» (к 90-летию

со дня рождения Л.Д. Сулержицкого), 2019 г. (Москва, Россия), пластинчатых индустрий а также на международных научных конференциях: «Восточный Граветт», 1997 г. (Зарайск-Москва, Россия); конгресс IFRAO “Pleistocene Art of the World”, 2010 г. (Tarascon sur Ariège, Франция), 5-я конференция «Алексеевские чтения», 2013 г. (Москва, Россия) “The World of Gravettian Hunters”, 2013, 2016 и 2019 гг. (Краков, Польша), III Замятинские чтения «Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований», 2015 г. (С.-Петербург, Россия), Конгресс UISPP 2018 г. (Париж, Франция), Annual Meeting of the European Association of Archaeologists, 2018 г. (Барселона, Испания), конференция-полевого семинар «Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта», 2019 г. (Брянск_Хотылёво-Юдиново, Россия), конференция «Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез» (к 70-летию Х.А. Амирханова), 2020 г. (Москва, Россия), конференциях «Искусство каменного века: образы, знаки, контекст», 2017 г. (Санкт-Петербург, Россия) и «Знаки и образы в искусстве каменного века», 2019 г. (Москва, Россия), конференция «На стыке Европы и Азии...», 2022 г. (Алма-Ата, Казахстан), «Пластинчатые индустрии каменного века Восточной Европы и Кавказа» (Москва, 2024 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из тома 1 с текстом работы (384 стр.), включающего Введение, восемь глав, Заключение, список архивных материалов, список литературы, список сокращений, и тома 2, включающего 17 статистических таблиц, 142 иллюстрации и список иллюстраций (180 стр.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дана общая характеристика работы (актуальность, новизна, цели и задачи, источники и т.п.) и сформулированы защищаемые положения.

Глава 1. История изучения закономерностей культурно-исторического развития центральных районов Русской равнины в верхнем палеолите.

Центральные районы Русской равнины, наряду с Сибирью, Крымом и Кавказом, начиная с 70-х гг. XIX века, положили основание в историю изучения палеолита России. Однако вплоть до открытия и последовавших затем исследований Мезинской стоянки вопросы культурной специфики памятников древнекаменного века, расположенных на этой территории, исследователями не рассматривались. В первые десятилетия, прошедшие после открытия Гонцовской (1873 г.) и Карачаровской (1877 г.) стоянок, после работ И.С. Полякова в Костёнках (1879 г.) актуальной была другая задача. Необходимо было доказать само существование палеолита в северных широтах России, поскольку эти территории представлялись малопригодными для расселения человека в ледниковую эпоху (Уваров, 1881).

Ситуация начинает меняться после выхода из печати статьи П.П. Ефименко о каменных орудиях Мезинской стоянки (Ефименко, 1912). П.П. Ефименко верно определил относительно поздний возраст Мезина в рамках верхнего палеолита, сопоставив инвентарь этого памятника с французскими мадленскими стоянками. Первым исследователем, кто сформулировал положение о возможной региональной специфике палеолита на территории России и существовании групп населения, отличавшихся особенностями своей культуры от западноевропейских, был А.А. Спицын (Спицын, 1915). Регионализация исследований палеолита и соответствующий поиск местных особенностей культуры стал к этому времени весьма актуальным в европейской науке и названная работа А.А. Спицына, а также статья П.П. Ефименко об итогах раскопок в Костёнках (Ефименко, 1915) вполне соответствовали тенденциям развития археологии палеолита начала XX века (Васильев, 2008, с. 18).

В 1920-е годы В.А. Городцов в первом томе своей «Археологии» целый ряд мест посвятил различным типам культур, отражавших неравномерность

исторического развития в пределах европейского континента, и этнографические различия между его регионами (Городцов, 1923, сс. 29-30, 189, 227, 278). В это же время начинается активное накопление археологических источников, связанное с раскопками Б.С. Жукова, П.П. Ефименко и С.С. Деева в Супонево, С.Н. Замятина и П.П. Ефименко в Костёнках, С.Н. Замятина – в Гагарино (Ефименко, 1926; Замятин, 1929; Замятин, 1935; Ефименко, 1928), В.А. Городцова – в Тимоновке. Полученные в этот период результаты были важны для накопления первичных данных в области изучения пространственной организации поселений, выявлении остатков жилищ, определения археологического контекста памятников первобытного искусства. Однако их объём, географический и хронологический охват, не были достаточными для полноценного изучения культурной вариативности палеолита на территории Восточной Европы. Более актуальным тогда являлся вопрос о периодизации палеолита. Различные периодизационные системы были разработаны В.А. Городцовым, П.П. Ефименко и Г.А. Бонч-Осмоловским (Васильев, 2008; Платонова, 2010).

В 1930-е годы проблематика, связанная с изучением культурных типов и культурной вариативности верхнего палеолита на территории Восточно-Европейской равнины в целом, не являлась актуальной для советских исследователей. Продолжался период первичного накопления археологических материалов, происходили открытия новых памятников. На правом берегу Судости, правого притока р. Десны, К.М. Поликарповичем были обнаружены стоянки Елисеевичи 1 (1930 г.) и Юдиново 1 (1934 г.) (Поликарпович, 1968). В Нижнем Подесенье М.Я. Рудинским были проведены новаторские полевые исследования стоянки Пушкири I (Рудинский, 1947). В конце 1930-х гг. раскопки этого памятника продолжил П.И. Борисковский, в ходе которых были обнаружены остатки длинного многоочажного жилища (Борисковский, 1953). Широкомасштабные разведочные работы на Десне были организованы М.В. Воеводским

(Воеводский, 1948). И.Ф. Левицкий возобновил исследования Гонцовской стоянки (Левицкий, 1949). Продолжались открытия новых верхнепалеолитических памятников и в Костёнках (Борисковский, 1941; Ефименко, Береговая, 1941; Ефименко, Борисковский, 1957). Осмысление полученных материалов в предвоенное десятилетие шло в рамках стадиалистской концепции, связанной с именем П.П. Ефименко. Но П.П. Ефименко в то же время никогда не отрицал возможности выделения различных культурных типов и отмечал своеобразие культурного развития верхнего палеолита, например, на юге Русской равнины и в перигляциальной зоне (Ефименко, 1956. С. 52). Культурная близость таких памятников как Костенки 1, Виллендорф и Пржедмости была отмечена им ещё во второй половине 1920-х годов (Ефименко, 1928). Вопрос о возможности выделения культурных характеристик, которые отражают этнографические черты древних социумов, специально рассматривался С.Н. Замятниным (Замятнин, 1951), который решал его вполне положительно. Однако С.Н. Замятнин подчёркивал, что объяснять все проявления культурной вариативности исключительно этнографическими особенностями первобытных народностей неверно, поскольку они могут отражать различное хронологическое положение того или иного памятника, его функциональную специфику, адаптацию к тому или иному природному окружению и т.п. черты (Замятнин, 1951, с. 95-98).

Обобщение нового археологического материала, полученного во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов при исследовании памятников Костёнковско-Борщёвского района, дало основание А.Н. Рогачёву для отказа от стадиалистской концепции и фактически возврата к идеям А.А. Спицына и В.А. Городцова (Рогачев, 1957, с. 129; Рогачев, 1962, с. 6, 8), но уже на новой фактологической базе. Принципиальные возражения против выделения локальных археологических культур в верхнем палеолите были сформулированы П.И. Борисовским, указывавшим на опасность того, что в процессе поисков множества такого рода культур будет потеряно понимание

общих закономерностей развития культуры верхнего палеолита (Борисковский, 1957).

В 1960-е – 1970-е гг. одной из целей исследований верхнего палеолита в СССР становится выявление таких черт близких в культурном отношении археологических памятников, которые свидетельствовали бы о более широком проявлении, по сравнению с локальным уровнем, закономерностей развития определённых культурных явлений. В качестве примеров работ такого рода можно привести статью Г.П. Григорьева о костёнковско-виллендорфском единстве (Григорьев, 1966) и монографию И.Г. Шовкопляса о Мезинской стоянке (Шовкопляс, 1965).

В рамках новой, культурологической, концепции территория Подесенья и Среднего Поднепровья стала рассматриваться как один из специфических регионов развития верхнего палеолита Восточной Европы. Одним из характернейших черт этого региона, по мнению И.Г. Шовкопляса, являлось существование здесь мезинской археологической культуры, которую он рассматривал как понятие, характеризующее археологическую специфику Среднеднепровской этнокультурной области. Правомерность существования мезинской культуры оспаривалась М.Д. Гвоздовер и А.Н. Рогачевым, вкладывавшими в понятие «археологическая культура» иной смысл, отражающий более тесное технико-типологическое сходство между памятниками, прежде всего — кремнёвого инвентаря (Гвоздовер, Рогачев, 1969). В дальнейшем благодаря работам Л.В. Греховой и М.И. Гладких использование понятия «археологическая культура» именно в этом смысле стало основным при характеристике деснинского и среднеднепровского верхнего палеолита, а сам термин мезинская культура был ими отвергнут. В работах конца шестидесятых — первой половины восьмидесятых годов внимание исследователей поздней поры верхнего палеолита на территории Центра Русской равнины акцентировалось на изучении локальных особенностей стоянок (Грехова, 1969; Грехова, 1971; Величко, Грехова, Губонина, 1977; Гладких, 1968; Гладких, 1971a; Гладких, 1971b; Гладких,

1977; Хайкунова, 1985). В результате, поднепровские и деснинские памятники оказались разделены на несколько групп, различных в культурном отношении. При этом подразумевалась общая региональная специфика поздней поры верхнего палеолита Среднего Поднепровья и Подесенья, однако её конкретное археологическое содержание не определялось в рамках более широкого контекста внутри Европейского континента.

К концу 1980-х гг. становится понятным, что концепция археологических культур в том виде, в котором она была сформулирована в 1960-е гг., не позволяет описывать большинство проявлений культурной специфики верхнепалеолитических памятников. Ситуация стала меняться и под влиянием интенсифицировавшихся в 1980-е гг. контактов советских учёных-палеолитчиков с западными коллегами (Soffer, 1985; Абрамова и др., 1988; Массон, Праслов, 1989; Soffer & Praslov, 1993). В 1990-е и 2000-е произошёл отказ от концепции археологических культур палеолита в том виде, как она была сформулирована в конце 1960-х. На рубеже 1980-90-х гг. Г.П. Григорьев фактически отверг прежнюю схему развития костёнковско-виллендорфского единства (ср.: Григорьев, 1989, и Grigor'ev, 1993). Этот пересмотр сопровождался обращением к европейским аналогиям, в данном случае – к граветту (Grigor'ev, 1993). В это же время М.В. Аникович представил модернизированную теорию археологических культур, которая оперировала понятиями «историко-культурная область», «археологическая культура» и «технокомплекс». В целом, в это время исследователи, пытаясь избежать крайностей как стадиалистского подхода, так и концепции археологических культур, стали широко применять такие термины как «граветт» и «эпиграветт», а также «селет» и др., встраивая таким образом верхнепалеолитические памятники Русской равнины в общеевропейский контекст (Амирханов, 1998; Аникович, 1998; Лисицын, 1999). Смена научной парадигмы, происходившая в 1990-е годы, оказалась тесно связанной с проблематикой изучения памятников средней поры верхнего палеолита, которые рассматривались в рамках восточного граветта.

Применительно к верхнепалеолитическим памятникам, расположенным на территории бассейна Десны, ключевое значение в этом процессе имело изучение материалов, полученных при раскопках стоянки Хотылёво 2, открытой Ф.М. Заверняевым в 1968 г. Особенности хотылёвской материальной культуры не укладывались в сложившуюся шкалу критериев, применявшихся при характеристике стоянок костёнковско-виллендорфского единства на Русской равнине, «разрывая» её территориальную непрерывность. Ф.М. Заверняев ограничился констатацией сходства Хотылёво 2 с памятниками костёнковско-авдеевской культуры и стоянками павловьена, одновременно подчеркивая ярко выраженный индивидуальный характер материальной культуры этого памятника. Г.П. Григорьевым Хотылёво 2 рассматривалось в качестве стоянки, испытавшей влияние восточного граветьяна и, парадоксальным образом, входящей в тот же восточный граветъен (Григорьев, 1998). М.В. Аникович относил Хотылёво 2 к хотылёвско-гагаринскому варианту виллендорфско-костёнковской археологической культуры, относившейся к граветтоидному технокомплексу. По мнению Х.А. Амирханова, Хотылёво 2 относится к хотылёвско-гагаринской археологической культуре восточного граветта. В начале 2000-х годов К.Н. Гаврилов высказал мнение о том, что культура этого памятника позволяет отнести его к самостоятельному варианту восточного граветта, отличному не только от культуры стоянок костёнковско-авдеевского типа и Гагарино, но и от памятников павловьена (Гаврилов, 2004; Гаврилов, 2008). В это же время Л.В. Грехова опубликовала точку зрения о том, что Хотылёво 2 представляет собой особый культурный тип верхнего палеолита Подесенья (Грехова, 2005). Индивидуальный характер материальной культуры Хотылёво 2 особо подчёркивался М.Д. Гвоздовер при сопоставлении этого памятника со стоянками костёнковско-авдеевской культуры, с одной стороны, и с Гагарино – с другой (Гвоздовер, 1998). В свою очередь, Г.В. Григорьевой высказывалось мнение о том, что Хотылёво 2 является памятником, отражающим специфику деснинского верхнего палеолита и

стоящего фактически у истоков развития верхнепалеолитической культуры этого региона (Григорьева, 1997; Григорьева, 2002).

Технологический анализ хотылёвской каменной индустрии в 1990-е гг. был предпринят А.Б. Селезнёвым (Селезнёв, 1996). Тогда же Г.А. Хлопачёв провёл исследование технологии обработки бивня обитателями Хотылёво 2 (Хлопачев, 1997, Хлопачев, 1998, Хлопачев, 1999). Исследования А.Б. Селезнёва и Г.А. Хлопачева выявили гораздо более сложную картину соотношения материальной культуры Хотылёво 2 не только с классическими восточногораветтскими памятниками Центра Русской равнины (Костенки I, сл. 1, Авдеево, Гагарино), но и с более поздними деснинскими стоянками (Пушкарки I, Юдиново 1). В 2010-е гг. Д.К. Еськовой было существенно скорректирована характеристика особенностей технологии раскалывания камня, применявшейся носителями восточно-граветтских традиций, (Еськова, 2013; Еськова, 2015). Ею было аргументированно показано, что граветтские стоянки, относимые к костёнковско-авдеевской культуре, равно как и Хотылёво 2, и Гагарино, стадияльно относятся к позднему граветту Восточной и Центральной Европы.

В те же 2010-е гг. были опубликованы обобщающие работы по граветту Костёнковско-Борщёвского района (Синицын, 2013; Лисицын, 2014; Лисицын, 2019). Эти исследования позволили дать характеристику разнообразия вариантов восточноевропейского граветта на очень ограниченной территории и, в результате, поставить вопрос о причине или причинах подобной культурной вариативности (Лисицын, Дудин, 2019).

Начиная с 1990-х гг. в отечественных публикациях, посвящённых исследованиям памятников поздней поры верхнего палеолита Восточной Европы, становится актуальным вопрос о правомерности использования термина «восточный эпиграветт» для характеристики специфики их материальной культуры (Аникович, 1998; Лисицын, 1999; Аникович, 2005; Аникович, Попов, Платонова, 2008; Аникович, Анисюткин, Платонова, 2011; Лисицын, 2019). Этот процесс происходил одновременно с принятием

отечественными археологами термина «восточный граветт» для характеристики культурной специфики средней поры верхнего палеолита Восточной Европы. Тогда же возобновилось использование понятий «мезинская», «межиричско-добраничевская», «timoновско-юдиновская» и археологические культуры (Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997; Абрамова, Григорьева, 1997; Нужный, Пясецкий, 2003; Хлопачев, 2006; Нужный, 2015; Чабай и др., 2020; Iakovleva et al., 2012). З.А. Абрамова и Г.В. Григорьева считали неудачным термин «восточный эпиграветт» и характеризовали деснинские и среднеднепровские стоянки позднего верхнего палеолита как мадленские, подразумевая под этим их стадиальную позицию. Г.П. Григорьев же выделял типологические соответствия в каменном инвентаре между этими памятниками и стоянками западноевропейского мадлена (Григорьев, 2008). Ю.Э. Демиденко, в свою очередь рассматривает стоянки поздней поры верхнего палеолита центра Восточно-Европейской равнины как мадленские в культурном отношении (Demidenko, 2020).

Изучение верхнепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины с самого начала сопровождалось находками произведений искусства малых форм, представленного мелкой пластикой и орнаментированными предметами. Обнаружение при раскопках Мезинской стоянки орнаментированных браслетов и фигурок из бивня мамонта дало Ф.К. Волкову основание говорить о значительном отличии мезинского искусства от западноевропейского (Волков, 1911). В последующие годы основное внимание исследователей было направлено в большей степени на реконструкцию смыслов, символически выраженных в памятниках палеолитического искусства (Городцов, 1923; Ефименко, 1931; Замятнин, 1961; Окладников, 1967; Фролов, 1974; Фролов, 1992; Столяр, 1985), хотя значение исследований памятников искусства для установления культурной специфики стоянок и территорий вполне осознавалась (Замятнин, 1951). По мере накопления соответствующего материала началась его систематизация и классификация, осуществлённая в значительной степени работами З.А.

Абрамовой (Абрамова, 1962; Абрамова, 1966; Абрамова, 1970). Существенный вклад в подобного рода исследования был сделан М.Д. Гвоздовер, разработавшей типологию антропоморфных статуэток, найденных при раскопках памятников костёнковско-виллендорфского единства и Хотылёво 2 (Гвоздовер, 1985). Объективность существования типов женских статуэток, выделенных М.Д. Гвоздовер, была подтверждена Г.А. Хлопачевым, установившим соответствие между данными типами и технологией их изготовления (Хлопачев, 1998; Хлопачев, 2006). Детальная типология женских статуэток поздней поры верхнего палеолита Среднего Поднепровья была разработана Л.А. Яковлевой (Яковлева, 1989; Яковлева, 1992; Iakovleva, 1995; Яковлева, 2011; Яковлева, 2013). Помимо мелкой пластики, исследователи в некоторых случаях использовали стилистические особенности орнаментальных мотивов для характеристики культурной специфики Мезинской стоянки (Городцов, 1923; Шовкопляс, 1965; Яковлева, 2013), а также памятников тимоновско-юдиновской культуры (Величко и др., 1977; Грехова, 1969; Грехова, 1971; Григорьева, 1997), стоянок Елисеевичи 1 (Величко и др., 1997) и Оболонье (Ступак и др., 2014).

Помимо каменного инвентаря и произведений искусства малых форм, важное значение при характеристике культурной специфики верхнепалеолитических памятников средней и поздней поры верхнего палеолита, расположенных на территории перигляциальной зоны Восточной Европы, имело изучение сложных археологических объектов, общей планировки и шире – пространственной структуры поселений. Важнейшее значение в этом процессе имело изучение стоянок и поселений центральной части Русской равнины, в том числе - Среднего Поднепровья и Подесенья (Ефименко, 1938; Рудинский, 1947; Левицкий, 1949). До семидесятых годов двадцатого столетия структурный анализ пространственной организации палеолитических стоянок и поселений развивался в основном в рамках исследовательской программы, нацеленной, прежде всего, на выявление остатков жилищ и связанных с ними объектов (Рогачёв, 1953, 1957;

Борисковский, 1953; Ефименко, 1958; Шовкопляс, 1965; Черныш, 1965). Своего рода итог этому периоду развития пространственно-структурного анализа в 1970 г. подвёл А.Н. Рогачёв в статье, посвящённой жилищам и поселениям древнекаменного века (Рогачёв, 1970). В конце семидесятых годов В.Я. Сергиным была высказана точка зрения о таксономической одноуровневости разнокультурных памятников Русской равнины, при раскопках которых были обнаружены площадки костёнковско-авдеевского типа, с одной стороны, и жилища из костей мамонта аносовско-мезинского типа – с другой (Сергин, 1979). Этот тезис в дальнейшем был положен В.Я. Сергиным в основу разработки сравнительной классификации археологических объектов, относящихся к различным в культурном отношении стоянкам приледниковой зоны на территории Поднепровья и Подесенья. В основном работа в этом направлении велась применительно к остаткам тех объектов, которые связаны с костно-земляными конструкциями и традиционно интерпретировались в качестве жилищ и хозяйственно-бытовых комплексов (см. напр.: Сергин, 1987; Сергин, 1998; Сергин, 2003а; Сергин, 2003б). В конце 1990-х гг. З.А. Абрамовой был проведён обстоятельный сравнительный анализ жилищ аносовско-мезинского типа в обзорной работе, посвящённой палеолитическим жилищам и поселениям Русской равнины (Абрамова, 1997). В семидесятые же годы прошлого столетия начинается интенсивное полевое изучение опорных памятников верхнего палеолита Русской равнины с особым акцентом на выявление структурных элементов культурного слоя, в том числе и археологических объектов. Публикация результатов раскопок стоянок Юдиново 1 (Абрамова, 1995; Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997; Абрамова, Григорьева, 1997), Елисеевичи 1 и 2 (Величко и др., 1997), Пушкари 1 (Беляева, 2002) сделала доступной информацию о строении многих из известных ранее разновидностей археологических объектов.

К настоящему времени отнесение памятников средней и поздней поры верхнего палеолита на территории приледниковой зоны Восточной Европы к

граветту и эпиграветту стало общепринятым. Не вызывает сомнений и культурная вариабельность восточноевропейского граветта и эпиграветта. Однако остаётся открытым вопрос, как атрибутировать эту вариабельность. Можно ли рассматривать выделяемые варианты/культурные типы в качестве археологических культур, традиционно рассматривавшихся ранее как продукты творчества различных, с этнографической точки зрения, социумов, или эта вариабельность в большей степени отражает функциональную / сезонную специфику древних поселений. Предметом дискуссий остаётся вопрос о культурной преемственности между восточно-европейским граветтом и эпиграветтом.

Глава 2. География, хронология и периодизация верхнего палеолита центральных районов Русской равнины.

Памятники верхнего палеолита, материалы которых стали объектом анализа данного диссертационного исследования, расположены на территории современных постсоветских государств: Российской Федерации (Брянская, Курская области), Республики Беларусь (Гомельская область) и Украины (г. Киев, Черниговская, Черкасская, Житомирская, Полтавская области). Рассматриваемые стоянки занимают бассейн Десны, в том числе её притоков – рек Судости и Сейма, а также бассейн Среднего Поднепровья с притоками, в частности, реками Тетерев, Сож и Удай. На этой территории располагаются, с северо-востока на юго-запад: западная часть Средне-Русской возвышенности, восточная и юго-восточная части Деснинско-Ипутьской равнины, южная оконечность Полесской низменности, а также центральная часть Днепровской низменности. Основная часть рассматриваемых в пределах данной территории памятников сосредоточена в Верхнем и Среднем Подесенье и Среднем Поднепровье (рис. 1). Стоянки располагаются, как правило, на краевых участках плато или поверхностях вторых надпойменных террас на правом, высоком берегу речных долин Подесенья и Поднепровья. Однако некоторые стоянки имеют нетипичные места расположения. Среди них – группа Радомышльских стоянок

(наивысшая точка приводораздельного плато р. Тетерев и его притока – р. Лутивочка), группа стоянок Быки (15-20-метровая терраса левого берега р. Сейм), Авдеевская стоянка (первая надпойменная терраса древнего правого берега р. Сейм).

В настоящее время расположенные на рассматриваемой территории стоянки могут быть отнесены, в основном, к средней и поздней поре верхнего палеолита (Гаврилов, 2016). Ранняя пора представлена единичными местонахождениями в окрестностях с. Хотылёво. Отнесение тех или иных памятников к той или иной поре верхнего палеолита не равно автоматическому признанию их синхронности или асинхронности в пределах одного периода. К сожалению, наши знания в этой области всё ещё весьма неполны, несмотря на все усилия, предпринимаемые исследователями для уточнения их возраста.

Важнейшей естественно-научной основой для разработки периодизации верхнепалеолитических памятников Днепро-Деснинского бассейна в настоящий момент служит стратиграфическая схема лёссовых и почвенных отложений правого берега р. Десны, разработанная коллективом лаборатории эволюционной палеогеографии ИГ РАН под руководством А.А. Величко. Основные её черты были изложены ещё в начале шестидесятых годов, однако впоследствии она была существенным образом дополнена (Величко, 1961; Величко, Грехова, Губонина, 1977; Величко и др., 1999). Согласно этой схеме (рис. 2), поздневалдайские лёссовые отложения представлены пачками т.н. лёсса II и лёсса III. Первая из них (деснинский лёсс) подстилается брянской ископаемой почвой, сформировавшейся во второй половине мегаинтерстадиала, разделяющего ранний и поздний Валдай. Деснинский лёсс перекрывается так называемым трубчевским горизонтом - уровнем оглеения, маркирующим процесс эфемерного почвообразования. Над трубчевским горизонтом залегает пачка алтыновских лёссов (лёсс III). При помощи радиоуглеродного метода были продатированы оба почвенных горизонта: брянская почва сформировалась в период от 30 до 25 тыс. л. н.

(некал.), трубчевский горизонт - около 19-18 тыс. л. н. (некал.). Почти все верхнепалеолитические памятники Подесенья имеют привязку культурных слоёв к тем или иным отложениям в рамках данной схемы. Исключение составляют стоянки Верхней Десны, расположенные выше по течению относительно хотылёвских палеолитических памятников: средний слой Коршево I, Городец, Чернетово, средний слой Коршево II и Косица. Однако те сведения, которые опубликованы (Тарасов, 1989), позволяют относить их ко второй половине поздневалдайского времени.

Хронология рассматриваемых в данной работе памятников основывается на данных радиоуглеродного анализа образцов почвы, угля и фаунистических костных остатков, полученных в ходе раскопок. Общее количество опубликованных к настоящему времени радиоуглеродных дат верхнепалеолитических стоянок Подесенья и Среднего Поднепровья составляет 279 значений. В настоящее время часть отечественных исследователей считает, что наблюдаемые группировки дат отражают различные этапы заселения и/или жизнедеятельности людей на том или ином участке поселений (Грехова, 1990; Амирханов, 2000, с. 49–53; Сулержицкий, 2004; Гаврилов, 2005; Зарецкая и др., 2018). Сторонники этой точки зрения полагают, что существует определенное соответствие данных радиоуглеродного датирования изучаемых ими памятников, с одной стороны, и данных о стратиграфии и планиграфии культурного слоя или слоев этих же памятников — с другой. Вторая точка зрения заключается в том, что разброс радиоуглеродных дат в ряде случаев входит в противоречие с их археологическим контекстом и, возможно, связан с особенностями самого метода определения возраста образцов. Решение этой проблемы сторонники данной позиции видели либо в принятии тех значений, которые были наиболее многочисленными, либо в отборе наиболее древних дат. (Синицын и др., 1997, с. 29–31; Булочникова, Григорьев, 2005; Булочникова, 2008; Синицын, 2014; Reynolds et al., 2015; Dinnis et al., 2019; Dinnis et al., 2021). Второе решение получило среди них признание в последнее десятилетие.

Что касается реконструкций природного окружения памятников, то они, к сожалению, не могут быть широко использованы в подобного рода построениях применительно к территории приледниковой зоны Восточной Европы. Видовой состав и флоры, и фауны, зафиксированный на стоянках, отличается большой степенью сходства, которое связано с климатической гиперзональностью (Величко, 1973; Гричук, 1989). Поэтому у нас не может быть уверенности, что те отличия в составе видов растений и животных, которые всё же имеются между стоянками, не связаны с локальными факторами типа сезонности, особенностей ландшафта или избирательности охоты обитателей каждого конкретного поселения. Исследования памятников поздней поры верхнего палеолита бассейна Десны, проведённое Т.В. Сапелко, позволяют в настоящее время предполагать, что зафиксированные в их разрезах особенности палинологических спектров отражают, помимо локальных характеристик ландшафта, общие временные закономерности изменения растительного покрова в конце плейстоцена (Сапелко, 2014).

В итоге, общая схема относительной хронологии, основанная на данных, характеризующих археологическую стратиграфию, геологические условия залегания культурных слоёв и общем массиве радиоуглеродных дат верхнепалеолитических памятников бассейна Десны и Среднего Поднепровья, выглядит в настоящее время следующим образом:

1) *Брянское время* – Хотылёво 6, сл. 2; городище «Кудеярка», сл. 2; Хотылёво 2/пункт Д, сл. 2;

2) *первая половина поздневалдайского оледенения, 24 – 21/20 тысяч. некал. л.н.* - время существования стоянок Хотылёво 2 (пункты А-Г, пункт Д/сл. I), Бердыж, Авдеево, Октябрьское, (сл. II), Пены 1, Погон, Пушкари I, Ключи (?). Стоянки Пушкари I и Ключи следует отнести ко второй половине этого периода. Возможно, к заключительному отрезку времени этого периода относится существование стоянки Оболонье.

3) *пик поздневалдайского климатического минимума* /

позднеледникового максимума (LGM), ок. 20-18 тысяч. некал. л.н. - время существования стоянок Радомышль, Кирилловская, Новгород-Северская, Октябрьское (сл. I), Быки 7, сл. II. Возможно, на этот отрезок времени приходятся завершающие эпизоды обитания Авдеевской стоянки. Точное хронологическое соотношение перечисленных памятников между собой внутри данного периода пока остаётся неясным, однако можно предполагать относительно раннюю позицию стоянки Новгород-Северская и более позднюю – стоянки Радомышль и Кирилловская. Нельзя также исключать продолжение существования в это время стоянки Оболонье.

4) *вторая половина поздневалдайского оледенения* – включает в себя четыре хронологические группы памятников позднего верхнего палеолита.

Самая ранняя, первая, группа, которая датируется периодом около 18-17,6 тысяч некал. л.н., включает в себя следующие стоянки: Быки 7, к.сл. II, Быки 2, к.сл. II.

Вторая группа включает в себя памятники с радиоуглеродными датами от 17,6 тыс. некал. л.н. до 16 тыс. некал. л.н.: стоянки Быки 1 (жилище), Быки 7, к. сл. I, Ib и Ia, Быки 2, к.сл. I, верхние горизонты культурного слоя Быки 4 (Пены 1) и Быки 1, нижний культурный горизонт стоянки Елисеевичи 1.

Третья группа включает в себя большинство памятников Подесенья и Среднего Поднепровья. Среди них, в частности – Мезин, Бармаки, Семёновка 2, Межиричи, Добраничевка, Гонцы (слой с жилищами?), Бужанка 2, Бугорок (нижняя часть культурного слоя), Юдиново 1 (нижний слой), Елисеевичи 1 (средний горизонт) и Елисеевичи 2, Супонево (нижний слой?), Тимоновка 1 и 2. Эта группа может быть датирована временем от 15 до 14 тысяч некал. л.н.

Последняя, четвёртая, группа, также немногочисленна, как и первая. В неё входят: верхний слой стоянки Юдиново 1, верхний горизонт культурного слоя Елисеевичи 1, вероятно, верхний горизонт культурного слоя стоянки Супонево, стоянки Семёновка 1 и 3, Бугорок (верхняя часть культурного слоя). Нельзя исключать отнесение к этой группе какой-то части стоянки Добраничевка. Датировки последней группы распределяются вокруг

значений 13/12/11 тысяч некал. л.н.

Взятые в своей совокупности, верхнепалеолитические памятники центральных районов Восточно-Европейской (Русской) равнины демонстрируют непрерывность заселения этой территории на протяжении, по крайней мере, времени поздневалдайского оледенения. Однако распределение их по регионам внутри этой территории всё же неравномерно. На территории Среднего Поднепровья пока не известны стоянки средней поры верхнего палеолита несмотря на то, что на территории Центральной Украины была обнаружена и исследована стоянка Трояново, каменная индустрия которой может быть отнесена к позднему (развитому) граветту (Залізняк и др., 2013). В свою очередь, на территории бассейна Верхней Десны, включая бассейн Судости, до сих пор нет памятников верхнего палеолита, для которых были бы получены валидные радиоуглеродные даты в промежутке от 20 до 18 тыс. л.н. (некал.). Соответственно, только на территории Среднего Подесенья и Посеймья в настоящее время располагаются стоянки, относящиеся ко всем периодам Позднего Валдая. Однако здесь пока не выявлены достоверно более ранние верхнепалеолитические памятники. Подобная неравномерность распределения памятников верхнего палеолита по территории Центра Русской равнины свидетельствует скорее о степени изученности перечисленных районов, чем о реальной картине их заселённости в древности.

Глава 3. Верхний палеолит на территории бассейна Десны в Брянское время.

Этот период на территории Подесенья находится в начальной стадии изучения. Наиболее представительная коллекция получена при раскопках третьего культурного слоя стоянки Хотылёво 6. Достаточно интересные материалы дали разведочные работы, проведенные на участках распространения нижних культурных слоев пункта Д стоянки Хотылёво 2 и городища «Кудеярка».

Хотылёво 6. Названный памятник был обнаружен в 1950-е гг. Ф.М. Заверняевым и в 1981 г. исследовался А.Н. Сорокиным. Площадка, на которой располагается стоянка, представляет собой мысовой выступ, образованный бортом долины Десны и левым склоном Кладбищенской балки, в 275 м к западу от стоянки Хотылево 2. В 2004 г. Хотылёвской археологической экспедицией здесь в раскопе 1 были вскрыты два культурных слоя, относящиеся к эпохе верхнего палеолита. Нижний культурный слой (к. сл. 3), связанный с погребённой брянской почвой, был перекрыт двухметровой толщиной покровных позднеплейстоценовых суглинков, которые, в свою очередь, венчаются голоценовой почвой (сл. 1). Гумусированный слой погребённой почвы залегал с небольшим наклоном в северо-восточном направлении, в сторону долины р. Десна и Кладбищенской балки. Находки залегали в толще гумусового слоя брянской почвы, с согласным простираем. После зачистки поверхности песчаных отложений, подстилавших погребенную брянскую почву, на площади квадратов Г/Е-6 были обнаружены пять небольших ямок. Вероятно, углублённых объектов было больше, судя по характеру залегания расколотого кремня.

Коллекция находок насчитывает более 367 экземпляров, из которых 33 предмета – это окатанные фрагменты мелких размеров различных пород камня, среди которых встречен кварцит, сланец, гранит и окремнелый песчаник. Остальные 334 предметов относятся к кремневым артефактам. Сырьём служил местный плиточный кремнь темно-серого цвета, однако использовался также валунный кремнь коричневого и чёрного цветов. Почти четверть расколотого кремня представлена обломками и осколками, полученными в результате первичной обработки сырья. Выраженных нуклеусов, характерных для более поздних памятников верхнего палеолита на этой территории, нет, хотя встречены нуклевидные преформы. В одном случае это был фрагмент плитки кремня с односторонней обработкой ребра крупной ретушью. Во втором случае обломок кремня имел подготовленную негативами сколов ударную площадку, латерали и ребристый край. Имеется

экземпляр, который может быть атрибутирован как нуклевидный скребок «с рыльцем» – возможно, нуклеус для снятия микропластинчатых сколов в начальной стадии утилизации. В каменном инвентаре третьего культурного слоя имеются также ребристые пластины. Доля отщепов и пластин составляет 20,9 и 8,75 % от общего количества инвентаря соответственно. Для отщепов характерны широкие плоские ударные площадки, пластины отличаются присутствием предметов с фасетированными и ретушированными ударными площадками, и изогнутым профилем. Значительна серия кремнёвых галек (14,7 %), большинство которых расколото. Набор каменных орудий характерен для ориньякоидных комплексов, о чем свидетельствуют нуклевидные скребки и нуклевидный резец, скребла и широкие массивные пластины с крупной ретушью. Однако в коллекции имеются два предмета, которые аналогичны изделиям, встречающимся в индустриях граветтского технокомплекса. Это пластина, у которой регулярной подтеской обработана поверхность слома, а также один экземпляр ножа с обушком, оформленным притупливающей встречной ретушью. Почти половина каменных орудий изготовлена на отщепах, однако доля орудий на пластинах также велика.

Особенности кремнёвого инвентаря позволяют сделать вывод о том, что индустрия третьего слоя Хотылево 6 типологически может быть отнесена к ранней поре верхнего палеолита. Однако инвентарь нижнего слоя Хотылёво 6 пока не содержит специфические типы орудий, которые позволили бы более детально определить культурную специфику этого комплекса.

Пункт Д стоянки Хотылёво 2, нижний культурный слой. Обнаружен в 2010 г, располагается на пологом приводораздельном коренном склоне правого берега р. Десна на расстоянии около 300 м выше по склону от края высокого правого берега р. Десна. В современном рельефе на этом месте читается слабое всхолмление мысовидных очертаний высотой не более 1 м, ориентированное в сторону городища «Кудеярка». На площади заложенного

здесь раскопа 1 были зафиксированы три уровня залегания артефактов.

Верхний культурный слой (к. сл. 1) может рассматриваться как слой *in situ*. Он залегает в основании мощной толщи лёссовидных супесей и суглинков, сформировавшихся в поздневалдайское время. Особенности кремнёвого инвентаря данного слоя, содержащего характерные предметы с притупленным краем, позволяют отнести его к восточно-европейскому граветту. Ниже этого культурного слоя залегали брянская почва и горизонт Bt мезинского почвенного комплекса, в которых были зафиксированы артефакты. Средний культурный слой (к. сл. 2) представляет собой находящиеся во взвешенном состоянии предметы из расщеплённого кремня, включённые в гумусированные линзы брянской погребённой почвы. По гумусу погребённой почвы в радиоуглеродной лаборатории ГИН была получена дата 29090 ± 350 (ГИН-15036, определение Н.Е. Зарецкой). На площади 4 кв. м было обнаружено 28 экз. кремнёвых предметов, преимущественно отщепов. Артефакты – без следов окатанности. Среди находок присутствует один фрагмент микропластинки с притупленным краем.

Нижний культурный слой представляет собой горизонт залегания кремнёвых предметов, которые были зафиксированы в основании линз суглинка черного цвета и в верхней части слоистых песков с прослоями ортзандов. Черный цвет гумусированного суглинка был обусловлен присутствием в его линзах большого количества древесного угля. Судя по характеру распространения слоя, в раскопе 1 был вскрыт слой пожарища природного характера. Между тем сами кремнёвые предметы не обожжены. Культурный слой, как и включающие его отложения переотложены солифлюкционными процессами, часть артефактов имеют хорошо выраженные следы окатанности. Всего было найдено 17 экземпляров, среди них - два фрагмента пластин верхнепалеолитического облика, один из которых имеет край, покрытый мелкой, краевой, вентральной ретушью.

Городище «Кудеярка». Городище юхновской культуры «Кудеярка»

(рис. 42) расположено в 150 м к северо-западу от западной окраины с. Хотылёво, на мысу правого коренного берега Десны. Высота городища от подошвы составляет 17-18 м, площадка – подпрямоугольной формы, 58х30-34 м. С напольной стороны читаются вал высотой до 1,5 м и шириной 14 м, а также ров шириной 8 м и глубиной до 1 м. Городище было открыто А.К. Амброзом в 1955 г. Позднее памятник исследовался Ф.М. Заверняевым, который в 1958 г. проводил здесь небольшие раскопки (Шмидт, Заверняев, 1959). В 1974 г. А.С. Смирнов повторно обследовал городище. В 2006 г. разведочными работами на городище были обнаружены два верхнепалеолитических культурных слоя. Находки фиксировались на гл. 4.75 - 5.1 м во взвешенном состоянии. Расщепленный кремь представлен серией из 64 предметов. Первый культурный слой, относящийся к верхнепалеолитической эпохе, залегает в стратиграфических условиях, аналогичных условиям залегания культурного слоя стоянки Хотылёво 2, относящегося к восточно-европейскому граветту – в основании толщи покровных лёссовидных отложений, над слоем погребённой почвы брянского времени. Нижний культурный слой верхнепалеолитического облика залегает в толще брянской почвы. О культурной принадлежности данного комплекса судить пока довольно затруднительно.

Глава 4. Восточноевропейский граветт центральных районов Русской равнины.

Типологическая характеристика восточноевропейского граветта на территории Центра Русской равнины, а также описание его внутренней структуры — это вопросы, которые были и, вероятно, ещё долго будут оставаться предметом дискуссии. Причина здесь лежит в самой природе этих определений, поскольку они носят интерпретационный характер. Повторяемость, устойчивость во времени и пространстве морфологии, технических и технологических характеристик ведущих категорий материальной культуры дают все основания считать, что под понятием «восточный граветт» и «восточноевропейский граветт» скрываются вполне

реальные исторические феномены. Использование этих понятий не означает еще раскрытия природы той исторической действительности, которую они обозначают. С их помощью происходит отнесение памятника к тому или иному культурно-историческому явлению, и в этом смысле восточный и восточноевропейский граветт действительно используется как классификационные термины. Они позволяют очертить территориальные и временные рамки специфического культурного образования и приступить к исследованию его внутренней структуры, факторов, определявших его границы, развитие и, в конечном итоге, реконструировать связанные с ним, пусть в самом общем виде, но исторические явления и процессы.

В данном исследовании под восточным граветтом подразумеваются археологические памятники с каменными индустриями, относящиеся к граветтскому технокомплексу и распространённые на территории Восточной и Центральной Европы. Соответственно, восточноевропейский граветт – это восточный граветт Русской (Восточно-Европейской) равнины. К восточному граветту Русской равнины на основании уже имеющегося опыта изучения памятников, относимых к этому явлению (Grigor'ev, 1993; Гиря, 1997; Григорьев, 1998; Гвоздовер, 1998; Амирханов, 2000; Лисицын, 2014; Еськова, 2015), можно причислить стоянки и поселения, каменная индустрия которых характеризуется следующими признаками: 1) использование крупной пластинчатой заготовки, полученной в результате стадияльного расщепления при помощи мягкого минерального, а также органического отбойника; 2) использование притупляющей ретуши для оформления острий, пластин и микропластин с притупленным краем; 3) применение целого ряда приемов вторичной обработки (чешуйчатая подтеска, ретуширование, диагональные плоские вентральные резцовые сколы) для оформления ударных площадок, с которых снимались краевые сколы для подживления режущего края; 4) применение крупной плоской вентральной ретуши для выравнивания профиля изогнутых пластин; 5) использование притупляющей, полукрутой и приостряющей ретуши для оформления острий на крупных пластинах; 6)

сочетание таких типов орудий, как граветтские острия, наконечники с боковой выемкой, ножи костенковского типа и, шире, пластины с подтеской концов, листовидные острия. Перечисленные признаки каменного инвентаря позволяют отнести к восточному граветту на территории Поднепровья и Подесенья следующие памятники: Бердыж, Авдеево, Хотылёво 2, Октябрьское II (к.сл. 1), Пушкарки I, Ключи, Погон. К сожалению, степень изученности их материальной культуры весьма неравномерна. Стоянкам Бердыж, Авдеево, Хотылёво 2, Пушкарки I и Ключи посвящены довольно подробные публикации, тогда как Октябрьское II (к. сл. 1) остаются практически неопубликованным. Представление о памятнике Октябрьское II (к. сл. 1) в настоящее время можно получить из отчетов о его раскопках, хранящихся в архиве Института археологии РАН, а также из небольшой статьи С.Н. Алексеева и А.В. Кашкина и монографии А.А. Чубура (Алексеев, Кашкин, 1998; Чубур, 2001).

Анализ как коллекционных, так и опубликованных материалов, характеризующих восточноевропейский граветт, показывает, что к категориям, которые позволяют в наибольшей степени охарактеризовать как общие, так и особенные черты каменных индустрий граветтских памятников, относятся пластины и микропластины с притупленным краем, острия с притупленным краем, листовидные острия, ножи костенковского типа и пластины с подтеской концов. Их сопоставление помогает определить таксономический характер их культурной специфики. Подробный сравнительный анализ названных категорий в инвентаре стоянок Хотылёво 2, Авдеево, Пушкарки I, Ключи и Октябрьское II (сл. 1) содержится в разделе **4.1. Культуроопределяющие типы кремнёвых орудий и варианты каменных индустрий восточного граветта на территории Центра Русской равнины.**

Варианты каменных индустрий восточного граветта.

Вариабельность каменного инвентаря памятников восточного граветта — достаточно очевидное явление (Otte, 1981; Noiret, 2007; Nuzhnyi, 2009;

Лисицын, 2014; Нужный, 2015). Проблема состоит в том, что именно отражает эта вариабельность. Она может быть связана с факторами частного порядка, такими как близость или удаленность от источников сырья, сезонность, хозяйственная или иная специализация конкретного участка или поселения в целом. Вариабельность может отражать и более общие закономерности, например развитие во времени, этнокультурную специфику.

Типологически каменные индустрии рассматриваемых памятников восточного граветта могут быть разделены на варианты, каждый из которых в пределах бассейна Десны и Верхнего Поднепровья представлены как одной стоянкой: Октябрьское II (к. сл. 1), так и группой памятников: Авдеево – Бердыж, Хотылёво 2 – МОП Авдеево, Пушкари I – Ключи. Таксономически они располагаются на одном уровне. Кроме того, Авдеевская стоянка входит в более обширную группу памятников т.н. костенковско-авдеевской культуры, а пушкарёвский вариант помимо перечисленных памятников включает в себя стоянку Мозолеевка, расположенную на территории Среднего Поднепровья (Нужный, 2015. С. 87-90). К сожалению, коллекция из раскопок Бердыжской стоянки не может рассматриваться в качестве полноценного археологического источника по причине переотложенности её культурного слоя (Калечиц и др., 2020. С. 95, 96, 116). Вероятно, полевая методика раскопок и, возможно, последовавшие при хранении коллекций утраты (Калечиц и др., 2020. С. 27) привели к неполноте состава собственно каменных изделий. Среди них имеются серии наконечников с боковой выемкой и ножей костёнковского типа, однако листовидные острия, характерные для Авдеево, отсутствуют (Калечиц, 1984). Кроме того, среди предметов, собранных в окрестностях Бердыжа С.Н. Замятниным в 1927 году и хранящихся в МАЭ, имеются черешковые наконечники на пластинах и топор с перехватом, которые указывают на припадении в коллекции изделий финального палеолита – мезолита (Калечиц и др., 2020. С. 79-81).

Специфика каменных индустрий Хотылёво 2 и Авдеево может отражать как их культурные особенности, так и функциональную специфику.

Например, особенности ножей костенковского типа Хотылево 2 и Авдеево частично связаны с близостью к источникам кремня первого и удаленностью от таковых второго поселения. Частично, поскольку такой памятник костенковско-авдеевской культуры, как Зарайская стоянка, расположенный у источников сырья, в отличие от Хотылево 2 демонстрирует широкую представленность предметов данной категории в каменном инвентаре (Лев, 2009). Последний факт может быть объяснен различной функциональной специализацией этих двух индустрий, которая одновременно может отражать культурно закреплённые нормы поведения различных групп населения, оставивших эти памятники.

Аналогичные факторы, вероятно, повлияли и на различную представленность, а также морфологию таких категорий, как наконечники с боковой выемкой и листовидные острия Авдеево и Хотылево 2. Ещё более ярко различия между Хотылёво 2 и Авдеевской стоянкой проявляются при сравнении пластин и пластинок с притупленным краем. Разнится между ними проявляется уже при сравнении метрических характеристик предметов данной категории. Например, в инвентаре так называемых Старого и Нового комплексов Авдеево нет узких, буквально «игловидных», МППК и ППК или массивных ППК, обработанных при помощи встречной контрударной ретуши, столь характерных для инвентаря Хотылево 2. Такие признаки, как характер притупляющей ретуши и способы вторичной обработки концов, могут свидетельствовать о культурной специфике памятников, поскольку они не зависят напрямую от размеров МППК и ППК. Пластины и микропластины с притупленным краем Авдеевской стоянки характеризуются применением односторонней притупляющей ретуши, срезающей не более, а чаще — менее одной трети от ширины заготовки. Притупленный край, как правило, при этом имеет слабоволнистую поверхность. Способы оформления концов, специфические не только для Авдеево, но и для остальных памятников костенковско-авдеевской культуры, заключаются в применении подтески, а также в ретушировании концов таким образом, что они

приобретали форму микроскребкового лезвия (Лев, 2009).

В Хотылево 2, напротив, широко использовалась встречная контрударная ретушь для оформления края как у пластин, так и у микропластин. Специфическим для Хотылево 2 приемом оформления концов является плоская вентральная мелкая ретушь, нанесенная с одного или двух краев, при этом часто конец оформлен в виде острия. Однако в Авдеево зафиксирован археологический комплекс, кремнёвый инвентарь которого имеет несколько точек соприкосновения с хотылёвским. Это так называемое «межобъектное пространство» (МОП) (Булочникова, 2012). Оно характеризуется серийно представленными среди орудий пластинками, обработанными по краю встречной вертикальной ретушью, срезающей значительную часть заготовки, а также граветтскими остриями типа вашон. Кроме того, в инвентаре МОП зафиксированы специфические наконечники с боковой выемкой, у которых выемка и перо обработаны притупляющей ретушью, а конец пера дополнительно подработан плоской вентральной ретушью. Приём вентральной подработки концов пластинок с притупленным краем при помощи ретуши, нанесённой на брюшко с края/краёв, оформляющий конец в виде острия, также зафиксирован в этом комплексе. Наконечники с боковой выемкой и ножи костёнковского типа – единичны. Перечисленные особенности дают основания рассматривать кремнёвый инвентарь так называемого «межобъектного пространства» как аналогичный хотылёвскому.

В связи с этим необходимо указать на достаточно позднюю в пределах хронологической шкалы Авдеевской стоянки позицию комплекса так называемого межобъектного пространства. Радиоуглеродный возраст (некал.) МОП – около 20 тыс. л.н.. Относительно высокую стратиграфическую позицию углистого скопления, с которым связан комплекс МОП, отмечал Ю.Н. Грибченко (Грибченко и др., 2002). На это же в своё время обратил внимание А.Н. Рогачёв при доисследовании Старого объекта авдеево (Рогачёв, 1953).

Технико-типологические особенности ведущих категорий каменного инвентаря таких памятников восточного граветта, как Пушкарки I, Ключи и Октябрьское II (к.сл. 1), позволяют, с одной стороны, разделить их на две различные с точки зрения культурной специфики группы, а с другой — вычленив общие для этих памятников признаки, отражающие их культурно-хронологическую позицию. Сходство между стоянками Пушкарки I и Ключи проявляется прежде всего в типологическом единстве таких категорий, как пластины и острья с притупленным краем, а также листовидные острья. Наконечники с боковой выемкой имеют меньшую степень соответствия, однако и среди части предметов этой категории обнаруживается сходство в способах вторичной обработки и общих морфологических характеристиках. Каменный инвентарь стоянки Октябрьское II (к. сл. 1) содержит иные типы наконечников с боковой выемкой и острий с притупленным краем и не имеет тех форм пластин с притупленным краем, которые характерны для Пушкарки I и Ключей. Тем не менее все три памятника могут рассматриваться в рамках одной культурно-хронологической стадии развития верхнего палеолита на территории бассейна Десны. Об этом свидетельствуют несколько признаков. Во-первых, острья с притупленным краем, найденные при раскопках этих стоянок, характеризуются укороченными пропорциями и значительной шириной по сравнению с граветтскими острьями Авдеево и Хотылево 2. Переход от края к острию у этих типов орудий оформлен часто в виде тупого угла, необработанный край выпуклый, основание дорсально ретушировано по прямой линии. Во-вторых, орудия на пластинах с подтеской концов представлены экземплярами с минимальным набором элементов вторичной обработки и не являются серийными. В-третьих, наконечники с боковой выемкой, при всем разнообразии форм, зафиксированных в инвентаре Октябрьского II (к. сл. 1), Пушкарки I и Ключей, в массе своей представлены иными вариантами по сравнению с теми, которые известны для более ранних восточно-граветтских памятников. Их объединяет более простая схема формообразования, которая может отражать процесс стандартизации

заготовок и, соответственно, упрощения приемов вторичной обработки. Наконец, имеется статистический признак, который может отражать культурно-хронологическую специфику стоянок Пушкари I и Клюсы. Это соотношение различных групп орудий внутри категории резцов. Установлено, что для восточно-граветтских памятников, которые существовали после окончания брянского времени преимущественно в первую половину поздневалдайского оледенения, характерно преобладание двугранных форм резцов над ретушными (Гвоздовер, 1998; Амирханов, 2000; Гаврилов, 2008). В инвентаре Пушкарей I и Клюсов доля ретушных резцов возрастает, а двугранных, наоборот, снижается. М.Я. Рудинский отмечал, что в коллекции Пушкарей I 1932 г. большинство резцов является ретушными (Рудинский, 1947, с. 193). По данным П.И. Борисовского, преобладающими являются резцы на сломе заготовки и ретушные — 80 и 50 экз. соответственно, двугранных насчитывается около 30 предметов (Борисовский, 1953, с. 215). Резцы стоянки Клюсы (145 экз., 30,7 %) составляют самую многочисленную категорию инвентаря. Большая их часть относится к ретушным (44 экз.) и двугранным (34 экз.). Среди резцов обоих памятников серийно представлены многофасеточные и нуклевидные формы. По этому показателю Пушкари I и Клюсы, как и Хотылево 2, демонстрируют присутствие в своем инвентаре ориньякоидного компонента. Это явление представляется неслучайным, поскольку различные проявления ориньякоидности в каменной индустрии памятников в целом характерны для восточного граветта Русской равнины (Амирханов, 2000).

Для понимания природы вариабельности, характерной для восточного граветта, недостаточно исследования только каменного инвентаря, в результате которого появляются типологические характеристики и схемы технологических процессов. Не меньшее значение имеет изучение и других категорий материальной культуры, как-то: изделий из кости и бивня. Среди последних объектом специального рассмотрения в данной работе стала женская мелкая пластика. Причины такого выбора сводятся к двум основным

пунктам. Во-первых, произведения искусства в целом имеют сложную смысловую нагрузку, которая отражает культурные традиции их создателей. Это утверждение в максимальной степени относится к женской скульптуре, поскольку женский образ, наряду с образом зверя, относится к ведущим в искусстве верхнего палеолита Европы (Абрамова, 2005). Во-вторых, в искусстве верхнего палеолита Восточной Европы женская скульптура представлена серийно как в среднюю, так и в позднюю пору верхнего палеолита, что позволяет проводить сравнительный стилистический анализ этого вида памятников первобытного искусства в широком хронологическом и географическом контексте. Сравнительный анализ иконографических типов и археологического контекста женской скульптуры восточноевропейских памятников русской равнины содержится в разделе 4.2.

Женские статуэтки как проявление общекультурного единства восточного граветта Русской равнины.

Иконографические типы женских статуэток и культурная специфика памятников восточноевропейского граветта.

М.Д. Гвоздовер, преимущественно на материалах Авдеевской стоянки, было доказано, что выделенные типы женских статуэток изображают различные стадии репродуктивного возраста женщин (Gvozdover, 1995, p. 44). Этот вывод следует распространить на все женские статуэтки так называемого развитого (позднего) восточноевропейского граветта. Сравнение всего корпуса женских изображений, известных для восточного граветта Русской равнины, позволяет выделить иконографические типы, которые не только включают в себя костёнковский и гагаринско-хотылёвский, но и дополняют их другими. В частности, статуэтки с подогнутыми ногами могут быть отнесены к самостоятельным типам женских изображений. Выстроенный в соответствии с таким подходом иконографический ряд вполне укладывается в изображения различных стадий беременности и, возможно, зачатия и родов. В этот ряд помещена фигурка из второго комплекса стоянки Костёнки 1, сл. I (раскопки Н.Д.

Праслова), которая может рассматриваться в качестве отдельного иконографического типа. В пользу её женской атрибуции свидетельствуют: наклонённая вперёд голова и руки, соединённые кистями у низа живота. Линия спины, ягодиц и ног в профиль аналогична таковой у бесспорных женских статуэток.

В Гагарино и Хотылёво 2 зафиксировано нахождение в одном и том же археологическом комплексе статуэток, имеющих пропорции и позы фигур как костёнковского, так и гагаринско-хотылёвского типа. В Новом Объекте Авдеево и во втором комплексе Костёнок 1, сл. I, также зафиксированы статуэтки, относящиеся к разным иконографическим типам. Это подтверждает вывод о едином семантическом пространстве фигуративного антропоморфного искусства восточноевропейского граветта. Вместе с тем, такое единство несколько не умаляет культурную специфику восточнограветтских стоянок, так как конкретное сочетание иконографических типов, равно как и археологический контекст статуэток являются специфическими для памятников костёнковско-авдеевской культуры, а также Гагарино и Хотылёво 2 соответственно. Повторяемость поз женских статуэток, относящихся к различным иконографическим типам, чётко прослеживаемые закономерности в размещении различных типов статуэток на памятниках восточноевропейского граветта на территории Русской равнины, дают все основания рассматривать эти памятники первобытного искусства в качестве свидетельств ритуальных действий людей – носителей граветтских культурных традиций.

Вариабельность восточного граветта, которая проявляется в существовании различных археологических культурах, даёт основание по-новому рассмотреть проблему его генезиса, которая рассматривается в разделе **4.3. Вопрос о происхождении восточного граветта на Русской равнине**. Общепринятой в настоящее время точкой зрения на этот вопрос является утверждение о том, что памятники восточного граветта появились на территории Русской равнины в результате миграции населения из

Центральной Европы, которая произошла во время первой половины последнего оледенения – стадии OIS 2, примерно 24-23 тыс. л.н. (Аникович, 1998; Kozłowski, 2008; Лисицын, 2014). Если рассмотреть некоторые проявления культурной вариабельности восточного граветта на территории Русской равнины в первую половину поздневалдайского оледенения в искусстве малых форм, а также в изделиях из кости и бивня, становится понятным, что вариабельность восточного граветта имеет более сложную природу, чем проявления двух путей развития: костёнковского и павловьена.

Различные варианты восточного граветта, представленные памятниками, относящимися к костенковско-авдеевской культуре, и такими стоянками как Гагарино и Хотылёво 2, выступают не просто как сумма единиц, механически собранных по формальному признаку, а как органически связанные между собой части одного сложного целого. Это проявляется, как было показано в разделе 4.2, в единстве иконографического ряда женского образа и одновременно в том, что конкретное сочетание конкретных иконографических типов женских изображений, зафиксированное, например, в Авдеево, Гагарино и Хотылёво 2 отличается отчетливо выраженной индивидуальностью. Аналогичная картина, то есть единство изобразительного ряда и различия в конкретном их выражении, вырисовывается при сравнении двух других категорий изделий из кости и бивня: лопаточек и острий со шляпкой. Лопаточки Авдеево, Костенок 1 (слой I), а также Зарайской стоянки могут быть отнесены к вариантам одного типа, тогда как предметы этой же категории, найденные при раскопках Хотылёво 2, относятся к другому типу, хотя также могут быть отнесены к различным вариантам (Гаврилов, 2008). Аналогичная картина наблюдается и при сравнении так называемых острий со шляпкой из стоянок Костёнки 1 (сл. I), Авдеево и Зарайск, с одной стороны, и Хотылёво 2 – с другой. Последним примером в этой серии может стать сравнение двух категорий изделий из раскопок Авдеевской и Хотылёвской стоянок: изогнутых орнаментированных предметов неясного назначения, изготовленных из рога

северного оленя, и имитации костей животных, выполненных из бивня мамонта. В обоих случаях мы можем фиксировать наличие специфических для каждой стоянки типов изделий, относящихся к одной категории. Особенно показательны имитации костей животных. Если в Авдеево обитатели этого поселения изображали метаподии, то в Хотылёво объектом для подражания стала фаланга пальца.

Перечисленные выше особенности некоторых категорий материальной культуры памятников восточного граветта, датируемых временем первой половины последнего оледенения, вкупе с уже многократно описанными различиями в кремневом инвентаре, позволяют утверждать, что вариабельность внутри восточного граветта на территории Русской равнины отражает не только функциональные, сезонные и иные возможные адаптивные особенности различных стоянок. Эта вариабельность является также результатом существования различных культурных традиций внутри восточного граветта, достаточно локальных для того, чтобы создать эффект «культурной мозаики», характерной, как уже отмечалось, для граветта Европы в целом (Svoboda, 2004; Klaric et al., 2009). Не менее существенным является проявление этого разнообразия не только в стилистических особенностях оформления каменных и костяных изделий, но и в технологических схемах, использовавшихся при их изготовлении (Хлопачев, 2006; Eskova, 2013; Polanska, Novak, 2014; Polanska et al., 2014; Еськова, 2015). Проявления разнообразия восточного граветта позволяют допустить мысль о том, что подобного рода вариабельность может быть, с одной стороны, проявлением его сложной полигенетической природы и, с другой стороны - результатом определенного развития граветтских традиций во времени.

Исследователей в пользу миграционистской гипотезы склоняет также убеждение в отсутствии преемственности в развитии материальной культуры между единственным представителем раннего граветта на территории современной России – стоянкой Костенки 8 (сл. 2) и более поздними

граветтскими памятниками. Эта убежденность сочетается с тем, что в отечественной науке для Центральной Европы с середины 1950-х годов постулируется непрерывность культурной эволюции (Ефименко, 1956; Борисковский, 1957б; Борисковский, 1959). Соглашаясь с последним утверждением, необходимо всё же отметить, что, согласно вновь опубликованным данным, мы можем допустить существование технологических отличий между ранним и поздним граветтом Центральной Европы, поскольку «комплекс приемов подготовки зоны расщепления, ранее считавшийся специфическим для памятников костенковско-авдеевской культуры, может быть характеристикой технологии изготовления пластин широкого круга памятников позднего восточного граветта» (Еськова, 2015. С. 27). Можно также вспомнить о том, что претерпевает изменения и типологический состав каменных индустрий позднего граветта, а также меняется стилистика искусства. Последнее наиболее ярко проявляется в смене типов женских изображений, статуэтки павловьена демонстрируют иконографический ряд, совершенно отличный от того, что характерно для поздней стадии граветта как в Центральной, так и в Восточной Европе (Verpoorte, 2001). Разумеется, эти различия свидетельствуют не о разрыве культурной традиции, а наоборот, характеризуют ее развитие.

Результаты типологического анализа каменного инвентаря второго слоя стоянки Костёнки 8 и сопоставление полученных данных с опубликованными характеристиками раннеграветтских комплексов Центральной Европы позволяет утверждать, что положение об исключительной уникальности Костенок 8, слой 2, на фоне синхронных и более поздних граветтских памятников Восточной и Центральной Европы, является преувеличением. Более корректно говорить о выраженной специализации данного комплекса. Типологически, серия узких микропластинок с притупленным краем, включая «игловидные острия», отражает стадиальную принадлежность второго слоя Костенок 8 к раннему граветту Европы и не более того. Уникальность второго слоя Костенок 8 –

результат крайне неравномерной изученности ранней поры верхнего палеолита на территории Русской равнины. Перспективы изучения этого периода древнекаменного века должны быть чрезвычайно велики. Об этом свидетельствуют результаты изучения нижнего слоя стоянки Мира, а также факт обнаружения микропластинки с притупленным краем в гумусовом слое брянской почвы на участке пункта Д стоянки Хотылёво 2.

При нынешнем состоянии изученности археологических источников миграционистская гипотеза не может рассматриваться как не имеющая альтернативы. Её скорее следует считать частью историографической традиции, и мы с такой же степенью достоверности можем допустить возможность формирования восточного граветта на Русской равнине в результате сложных процессов развития культуры автохтонного населения в сочетании с влиянием или взаимными контактами, связанными с культурой/населением Центральной Европы.

Глава 5. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2 как проявление особого культурного варианта восточноевропейского граветта.

Село Хотылёво находится в 25 км к северо-западу от г. Брянска и административно относится к Брянскому району Брянской области (рис. 1). У его западной окраины, на краю приводораздельной площадки, расположен широкий мыс, образованный двумя древними балками, выходящими в долину р. Десны своими устьями (рис. 70, рис. 17, А). Мысовая площадка имеет северную экспозицию, так как р. Десна на этом участке долины делает резкий поворот с запада на восток, огибая плато, на котором, собственно, и расположен г. Брянск. Балка, сформировавшая западный борт хотылёвской мысовой площадки, получила название Кладбищенской, поскольку вдоль этого борта расположено сельское кладбище. Мыс в свою очередь разделён на отдельные площадки небольшими овражками. Культурный слой Хотылёво 2 зафиксирован в пяти пунктах, получивших обозначения в буквах славянского алфавита от А до Д, в пределах широкого мыса, расположенных в его центральной и западной частях. Однако подъемный материал встречен

на всем протяжении площадки мыса между двумя балками. В данной главе рассматриваются данные, характеризующие пространственную структуру и материальную культуру Хотылёво 2 на участках пунктов А, Б и В. Пункт В находится в процессе продолжающихся исследований. По этой причине его характеристика в будущем может измениться. Пункт Б исследован на относительно небольшой площади, пункты Г и Д фактически только зафиксированы разведочными работами. Условия залегания культурного слоя во всех четырёх пунктах одинаковы. Разница проявляется только в мощности перекрывающих отложений и глубине залегания относительно постоянного репера, что вполне объяснимо топографическими условиями расположения каждого пункта. Культурный слой залегает в основании толщи покровных лессовидных суглинков, в средней части которых фиксируется уровень эфемерного почвообразования. Находки и объекты приурочены к тонкой (3-5 см) прослойке слабогумусированного суглинка, маркирующего древний уровень стабильной дневной поверхности. Ниже этого суглинка была зафиксирована толща тяжёлых суглинков, которая включала в себя переотложенные линзы древнего гумуса и мела.

5.1. Пункт А. Расположен в краевой, северной, части небольшого мыса, занимающего центральное место среди мысов между крупными балками у западной окраины Хотылёво. Исследован на площади 687 кв. м раскопами Ф.М. Заверняева (№№ 1-11) и К.Н. Гаврилова (№№ 12-14). Большая часть (554 кв. м) вскрыта раскопами №№ 1-11. Пространственная структура пункта А в отношении большинства зафиксированных на его площади объектов может быть представлена как сложный комплекс взаимосвязанных объектов хозяйственно-бытового и культового назначения. Его составными частями являются: большой “зольник” вместе с очагом № 3, первый, второй, и, по-видимому, третий комплексы, менее крупные, представленные взаимосвязанными объектами – кострищами/очагами и расположенными вокруг них ямами, группами уложенных и вкопанных костей мамонта. Такие объекты, как очаг № 2, очаг № 5, остатки вкопанного

череп № 10, вкопанные кости, группировавшиеся вокруг второго очага, а также ямы с костями, перекрытые “зольником”, могли быть частью более раннего хозяйственно-бытового и культового комплекса. Структура Хотылёвского верхнепалеолитического поселения позволяет рассматривать его как самостоятельный тип памятника, не имеющего пока общих аналогов среди стоянок верхнего палеолита Европы.

5.2. Пункт Б. Расположен в северной части небольшого мыса, следующего к западу от мыса, с которым связан пункт А, на расстоянии около 20 м. Пункт Б изучен на площади 80 кв. м (раскоп I). Центральное место на площади раскопа № I занимал углубленный очаг и связанные с ним планиграфически объекты: скопление костного угля и золы, пятна охры, вертикально вкопанные кости и, возможно, группа преднамеренно уложенных костей мамонта. Вокруг этих объектов была зафиксирована повышенная плотность фаунистического материала. В целом, изученный участок аналогичен периферийной зоне пункта А.

5.3. Пункт В. Расположен в 50 м к юго-юго-западу от пункта А. Изучен на площади 77 кв. м (раскопы А, Б и В, рис. 99). Здесь было зафиксировано два комплекса пространственно связанных археологических объектов. Южный комплекс археологических объектов был изучен в раскопе А на площади 25 кв. м. Он характеризуется крупными скоплениями преднамеренно уложенных костей мамонтов, структурную основу которых составляли черепа и плоские кости. С данными скоплениями были связаны ямы, округлые в плане, неглубокие, в которых также находились преднамеренно уложенные кости мамонта. Северный комплекс археологических объектов был вскрыт двумя раскопами Б и В общей площадью 52 кв. м. Границы северного комплекса очерчены расположенными вокруг крупного скопления костного угля с включениями расщеплённого кремня и костей животных («зольника») округлых в плане неглубоких ям, некоторые из которых по своим размерам и морфологии аналогичны ямам, зафиксированным в южном комплексе. Как правило, в

непосредственной близости от ям располагались вкопанные длинные кости мамонта, часть из которых была преднамеренно расколота. Эта особенность отличает северный комплекс от южного, в котором подобные группы вкопанных костей не были зафиксированы. В непосредственной близости от некоторых ям залегали черепа мамонтов, вкопанные в грунт альвеолами. С двумя ямами были связаны группы из попарно уложенных лопаток мамонтов. В ямах и вокруг них располагались скопления охры. В центральной части «зольника» была зафиксирована яма, заполненная костным углём, кремнем и фрагментами костей животных, возможно, очаг. По своим пространственным характеристикам данный комплекс аналогичен центральной части пункта А.

5.4. Общая характеристика типологических особенностей предметов кремнёвого инвентаря. Комплекс предметов с вторичной обработкой Хотылёвской стоянки обладает ярко выраженными особенностями, которые проявляются как в приёмах вторичной обработки, так и в типологическом составе кремнёвого инвентаря. Для Хотылёво 2 характерно очень широкое использование техники резцового скола, притупливающей ретуши, в том числе – встречной, а также плоской вентральной ретуши, наносившейся на предметы, как правило, с краёв заготовки. Подтёска, а также техника снятия краевых сколов применялась, но значительно реже. Применение крупной плоской вентральной ретуши не зафиксировано, за исключением одного предмета, который может рассматриваться как аналог листовидным остриям костёнковского типа, из комплекса пункта В. Использование крупной широкой пластины в качестве заготовки отмечается в основном для категорий резцов и скребков и реже – для ножей костёнковского типа, а также острий на пластинах. При изготовлении категорий орудий с притупленным краем преобладающими заготовками были узкие пластины и микропластины. Типологическое «лицо» Хотылёвской стоянки определяется прежде всего комплексом изделий с притупленным ретушью краем: острий микрограветт и вашон, а также

ППК/МППК, среди которых выделяются «пилки», широкие ППК с симметрично ретушированными концами, МППК с заострёнными концами и вентральной ретушью на них. Не менее своеобразен набор наконечников с боковой выемкой. Развитой микроинвентарь сближает Хотылёво 2 с памятниками Центральной Европы, традиционно относимыми к павловьену. Это прежде всего Дольни Вестоницы I и Павлов I. Практически все формы пластин и микропластин с притупленным краем, которые имеются в инвентаре Хотылёвской стоянки, встречены и в названных памятниках. Но в инвентаре Павлова I микроинвентарь разнообразнее, чем в Хотылёво 2 (Klima, 1997). Среди хотылёвских изделий отсутствуют треугольные острия со скошенным основанием и МППК со скошенными ретушированными концами. Нет среди них и острий павловского типа. Граветтийские острия Дольних Вестониц I имеют более крупные размеры, для них не характерна подработка концов и оснований вентральной плоской ретушью (Klima, 1963). Индивидуальный для памятников Восточной и Центральной Европы характер орудийного набора Хотылёво 2 в большей степени подчёркивают острия микрограветт и острия типа вашон, а также сочетание различных типов наконечников с боковой выемкой, не встречавшееся прежде в таком виде. Присутствие выразительной серии острий микрограветт сближает Хотылёвскую стоянку по этому показателю с рядом западноевропейских памятников на территории Германии и юго-запада Франции. В Германии известны стоянки Майнц-Линзенберг и Шпрендлинген, в инвентаре которых хорошо представлены острия микрограветт (Hahn, 1969; Bosinski et al., 1985). Среди памятников юго-запада Франции следует назвать Абри Пато, слой 3, а также Ложери От, слои В и В', то есть комплексы, относимые к перигордьену VI (Bricker and David, 1984). Подобного рода аналогии свидетельствуют о хронологической и стадиальной близости перечисленных стоянок и Хотылёво 2.

5.5. Изделия из кости и бивня. Костяной инвентарь Хотылево 2 – органичная часть материальной культуры этого поселения. Индивидуальные

особенности хотылевских предметов подтверждают типологическую вариабельность изделий восточного граветта, относящихся к одним и тем же категориям, но представленным в опорных памятниках разных культурных вариантов. В пользу этой точки зрения свидетельствует соотношение конкретных типов изделий, способов их орнаментации и археологического контекста. Это положение относится прежде всего к женским статуэткам, лопаточкам и наконечникам копий из бивня мамонта. Каждая категория представлена в хотылевской коллекции самостоятельным типом, отличным от костенковско-авдеевского. В Костенках I и Авдеево, с одной стороны, и в Хотылево 2 – с другой, представлены несколько вариантов лопаточек с навершиями (Ефименко, 1958; Gvozdover, 1995; Заверняев, 1987). Несмотря на это, вариабельность и в первом, и во втором случае не выходит за рамки определенных границ. Лопаточки костенковско-авдеевского типа всегда сохраняют косые прорезы на плоскости наверший, тогда как у лопаточек хотылевского типа их нет. Для костенковско-авдеевского типа характерным признаком является наличие зубчатой насечки по краю ребра, либо оформляющей периметр изделия, либо выделяющий «ушки» на навершии. Они могут иметь выделенный перехват у основания навершия и в верхней трети изделия, хотылевский тип его не имеет. Наконечники копий из бивня, найденные в Авдеево и в Хотылево 2, также относятся к разным типам. Авдеевские экземпляры не имеют конического перехода к черешку, их характерный признак – горизонтальные выступы в основании наконечника, которые, соответственно, не зафиксированы на хотылевских предметах. В связи с этим характер орнаментации хотылевских изделий подтверждает закономерность, выявленную на материалах Костенок I и Авдеево (Гвоздовер, 1985б): каждому типу соответствует определенный набор способов их украшения. В костяном инвентаре Хотылево 2 имеются также и иные категории предметов, аналогичные Костенкам и Авдеево. Однако эти категории: острия типа «верблюжья ножка» и серповидный орнаментированный предмет из рога северного оленя, не являются копиями

костенковско-авдеевских. Они также представлены самостоятельными, хотылёвскими типами этих категории. Что же касается орнаментальных мотивов, аналогичных костёнковско-авдеевским (косой крест, треугольные насечки, косая решетка), то они были использованы для украшения бивневых веретенообразных наконечников копий, а также стержня с треугольным навершием, то есть таких типов изделий, которые не встречаются в инвентаре стоянок костенковско-авдеевской культуры и, соответственно – не украшались таким образом их обитателями. Таким образом, типологические отличия предметов костяного инвентаря Хотылево 2 от аналогичных по категориальной принадлежности изделий Костенок I и Авдеево хорошо коррелируются с характером отличий в орнаментации этих артефактов.

Отличие хотылевского типа женских статуэток от костенковско-авдеевского (тип I, по классификации М.Д. Гвоздовер, см: Гвоздовер, 1985а) теперь подтверждается не только разницей в каноне построения фигуры, но и технологией их изготовления (Хлопачев, 1998). Однако, несмотря на эту специфику, женские статуэтки Хотылёво 2 не выходят за рамки иконографии женского образа в искусстве восточного граветта на Русской равнине. Семантическое единство восточнограветтской скульптуры подчёркивается обнаружением в пункте В Хотылёво 2, в одном археологическом контексте двойной женской статуэтки из мела, выполненной по костёнковскому канону и классической статуэтки хотылёвского типа из бивня мамонта. Подобное совместное залегание статуэток, относящихся к этим иконографическим типам, было зафиксировано ранее в Гагарино (Тарасов, 1979). В данном случае можно говорить о проявлении культурной специфики костенковско-авдеевского и хотылёвского вариантов восточного граветта в композиционном и стилистическом оформлении иконографических типов женской скульптуры, их конкретном сочетании и археологическом контексте.

Таким образом, Хотылево 2 в отношении предметов костяного инвентаря также может рассматриваться как самостоятельный тип памятника

в рамках восточного граветта.

Глава 6. Восточноевропейский эпиграветт на территории бассейна Десны и Среднего Поднепровья. Трансформация верхнепалеолитической культуры Центра Русской равнины в период LGM

Стоянки поздней поры верхнего палеолита, расположенные в бассейне Десны и шире – в Среднем Поднепровье, традиционно рассматриваются как части некоего культурно-исторического феномена. Однако определение его культурной специфики как в целом, так и применительно к отдельным памятникам до настоящего времени остается предметом дискуссий. В настоящее время актуальность этой дискуссии обуславливается необходимостью рассматривать специфику верхнего палеолита центральных районов Русской (Восточно-Европейской) равнины в общеевропейском контексте. Необходимо отметить, что основными проблемами в данной дискуссии стали следующие: 1) правомерность выделения Подесенья и Среднего Поднепровья в качестве относительно самостоятельной территориальной единицы развития верхнепалеолитической культуры на территории Восточной Европы; 2) необходимость и возможность определения специфики деснинских и среднеднепровских памятников поздней поры верхнего палеолита при помощи понятий «восточный эпиграветт» и «мадлен»; 3) существование или отсутствие культурной преемственности между памятниками средней и поздней поры верхнего палеолита на территории Центра Русской равнины.

6.1. Общая характеристика эпиграветтского технокомплекса на территории Центра Русской равнины. Каменный инвентарь восточно-эпиграветтских памятников характеризуется следующими признаками. 1. Стадиальное расщепление кремнёвого сырья, направленное на получение прямых пластин, средняя ширина которых составляет от 12 до 15 мм. А.Б. Селезнёв предполагал использование в процессе раскалывания посредника, что позволяло применять круговую систему утилизации нуклеусов

(Селезнёв, 1996). 2. Широкое применение техники резцового скола и притупляющей ретуши. 3. Обеднение типологического разнообразия каменного инвентаря, основу которого составили резцы, как правило ретушные, поперечно и косо усеченные притупляющей и полукрутой ретушью пластины, скребки укороченных пропорций, пластинки и микропластины с притупленным краем. Своеобразие каменного инвентаря эпиграветтских памятников проявляется в сочетании конкретных типов среди таких категорий, как пластинки и микропластины с притупленным краем, острия с притупленным краем и/или наконечники, а также проколки.

6.2. Варианты индустрий восточного эпиграветта на территории Подесенья и Среднего Поднепровья. Памятники поздней поры верхнего палеолита, расположенные на территории бассейна Десны, как, впрочем, и стоянки Среднего Поднепровья, на основании анализа морфологических особенностей предметов с вторичной обработкой могут быть отнесены к эпиграветтским в том смысле, что их кремнёвый инвентарь есть результат развития восточнограветтской традиции изготовления орудий. В пользу этого вывода свидетельствует широкое применение техники нанесения притупляющей ретуши при оформлении вкладышей, острий и наконечников, а также техники резцового скола. По сравнению с восточным граветтом, набор приёмов вторичной обработки редуцируется за счёт вентральной подтёски и вентральной уплощающей ретуши. Однако эти приёмы были известны носителям эпиграветтской традиции и при необходимости применялись. Например, в инвентаре стоянок Елисеевичи 1 (Лисицын, 1999) и Быки 7, сл. 1 (Ахметгалеева, 2004) зафиксированы пластины с подтёской конца. Один предмет из комплекса стоянки Быки 7, сл. I, может быть сопоставлен с ножами костенковского типа (рис. 49, 17), в этом же инвентаре был обнаружен и краевой скол (Ахметгалеева, 2004). Регулярная уплощающая вентральная ретушь зафиксирована в Тимоновке I на одном из экземпляров мппк (рис. 108, 8), а также на одной проколке (рис. 113, 11). Эпизодичность употребления этого приёма вторичной обработки

может быть объяснена тем, что модификация техники раскалывания, в результате которой стало возможным получение более тонких и прямых пластин, сделала ненужной в большинстве случаев подправку заготовок с целью выравнивания их профиля (Селезнёв, 1996).

Однако общее обеднение состава орудий привело к тому, что различия между памятниками Подесенья, а также между ними в целом и стоянками Среднего Поднепровья проявляются не столь ярко, как различия между памятниками восточного граветта. Специфика их индустрий выделяется прежде всего по таким показателям, как способы обработки концов пластинок и микропластин с притупленным краем, а также серийность и степень разнообразия проколов. Отличие среднеднепровских памятников от деснинских стоянок состоит в крайней обеднённости форм и категориального состава предметов с вторичной обработкой. Кроме того, особенности комплексов подчёркиваются метрическими характеристиками заготовок, использовавшихся при изготовлении тех или иных категорий орудий. Например, скребки Мезинской стоянки оформлены на относительно крупных пластинах и отщепах и этим отличаются от скребков как остальных деснинских, так и среднеднепровских памятников (Нужный, 2003; Нужный, 2015). В свою очередь, пластинки и микропластины с притупленным краем стоянок Косица и Елисеевичи 1, как правило, имеют бóльшую длину по сравнению с той, которая характерна для аналогичных предметов остальных стоянок Подесенья и Среднего Поднепровья.

Среди массовых категорий предметов с вторичной обработкой характерно преобладание резцов, доминирующим типом внутри которых является ретушный резец. Скребки эпиграветтских памятников — простые концевые, как правило, без ретуши краёв, значительная часть их имеет укороченные пропорции. Пластинки и микропластины с притупленным краем чаще всего представлены «четырёхугольниками». Весь этот массив с таксономической точки зрения может быть разделён на несколько групп поселений и отдельные памятники. На территории Верхнего и Среднего

Подесенья выделяются три группы стоянок: тимоновско-юдиновская, мезинская и межиричско-добраничевская. В них не входят Елисеевичи 1, Косица и Супонево, хотя по отдельным признакам Супонево сближается с Мезиным, а Косица сопоставляется с Елисеевичами 1 (Гаврилов, 1994б; Гаврилов, 2003). Д.Ю. Нужным для территории Среднего Поднепровья также выделяются два памятника, стоящие особняком по сравнению с памятниками межиричско-добраничевской группы – это Журавка и Большая Бугаевка (Нужный, 2015). Каменный инвентарь обоих памятников весьма малочислен и не позволяет проследить какие-то статистически значимые закономерности соотношения категорий и типов орудий. Типологический облик индустрий беден. Д.Ю. Нужный отмечает присутствие в коллекции Журавки двух «псевдомикрорезцов», что, по его мнению, может свидетельствовать в пользу финальнопалеолитического возраста этого памятника (Нужный, 2015. С. 350). Однако набор пластин и микропластин с притупленным краем, а также формы острий с притупленным краем не демонстрируют каких-то радикальных отличий этой стоянки от межиричско-добраничевской группы. Единственное значимое отличие – отсутствие серии ретушных резцов и присутствие острий с диагонально ретушированным концом, близким к типу «Zonhoven» (Нужный, 2015. С. 350), что, возможно, также указывает на поздний возраст этой стоянки.

На этом фоне более резко выражена специфика каменного инвентаря расположенных на левом берегу р. Сейм стоянок Быки 1, Быки 7 (сл. I, Ib, Ia и Ic), Быки 5 и Пенская. Характер заготовок, использовавшихся при изготовлении орудий, как и вся система раскалывания кремня, в целом весьма близки тому, что наблюдается при изучении инвентаря деснинских стоянок поздней поры верхнего палеолита (Чубур, 2001; Ахметгалеева, 2004; Ахметгалеева, 2015). Однако среди предметов с вторичной обработкой названных памятников серийно представлены треугольные острия, наиболее массовые разновидности которых в Быках 1 и Быках 7 (сл. I, Ib, Ia и Ic) могут рассматриваться в качестве культуроспецифических. Речь идёт о двух

разновидностях острий типа тарденуа, у которых длинный притуплённый край срезает заготовку по диагонали, а не вдоль края пластинки. Их присутствие сочетается с отсутствием в инвентаре пластинок и микропластин с притуплённым краем. Кроме того, в отличие от деснинских памятников, среди резцов Быков 1 и 7 преобладающей формой являются двугранные. Н.Б. Ахметгалиевой, опираясь на эти характеристики каменного инвентаря, атрибутирует названные памятники в качестве однокультурных (Ахметгалиева, 2004; Ахметгалиева, 2015; Ахметгалиева, 2019). Выделение каменной индустрии перечисленных быковских стоянок в качестве самостоятельной группы представляется обоснованным, особенно – при сравнении с каменным инвентарём стоянок, относимых к тимоновско-юдиновскому и мезинскому вариантам. Тем не менее, это не отменяет признания того факта, что между быковскими памятниками и деснинскими стоянками существуют определённые точки соприкосновения. В инвентаре Мезина, Быков 1 и Быков 7 (сл. I, Ib, Ia и Ic) присутствуют, во-первых, треугольные острия, у которых длинный притуплённый край оформлен ретушью вдоль края заготовки. Во-вторых, имеются проколки, в том числе и специфических мезинских форм. Кроме того, размеры пластинчатых сколов, среди которых преобладают узкие пластины и пластинки (Ахметгалиева, 2019), укороченные пропорции скребков сближают каменный инвентарь стоянок быковской культуры не только с эпиграветтскими памятниками Подесенья, но также и Среднего Поднепровья. Эти точки соприкосновения, как представляется, позволяют заключить, что каменная индустрия памятников поздней поры верхнего палеолита этих регионов — Посеймья, Подесенья и Среднего Поднепровья обладает близкой хозяйственно-культурной подосновой. Хронологические рамки быковской культуры – от 18000 до 14600 л.н. (^{14}C , некал.). Нижняя хронологическая граница этой группы древнее наиболее ранних дат стоянки Елисеевичи 1. Опираясь на имеющиеся радиоуглеродные даты и данные о стратиграфическом положении культурных слоёв стоянок Пены 1 и Быки 7, слои Ia и Ic, можно

констатировать их синхронность с большинством классических памятников восточноевропейского эпиграветта.

6.3. Трансформация материальной культуры верхнепалеолитических памятников Восточной Европы в период LGM.

В археологической литературе достаточно распространено мнение, что на указанной территории в это время происходит депопуляция, вызванная резким ухудшением природных условий для жизни населения. Не будет преувеличением утверждение, что именно данная точка зрения лежит в основе объяснения перемен в материальной культуре, которые произошли при переходе от средней к поздней поре верхнего палеолита. Применительно к Восточной Европе этот подход был сформулирован в середине 1980-х годов О.А. Соффер (Soffer, 1985) и затем поддержан в 1990-е гг. Г.П. Григорьевым (Grigor'ev, 1993) и М.В. Аниковичем (Аникович, 1998). По мнению ряда исследователей, значительное ухудшение климата в период LGM на территории Восточно-Европейской равнины привело к прекращению существования восточного граветта и появлению в конце этого периода эпиграветта, при существовании между ними хронологического разрыва, который на юге был заполнен памятниками так называемого эпиориньяка (Demidenko et al., 2018; Чабай и др., 2020). При этом и сам эпиориньяк оказывается культурным феноменом с непонятным генезисом, поскольку между ним и, собственно, ориньяком также существует значительный хронологический разрыв (Demidenko et al., 2019). В итоге получается достаточно парадоксальная картина, когда на территории Восточно-Европейской равнины граветт сменяется непонятно откуда взявшимся эпи-ориньяком, который в свою очередь уступает место неизвестно откуда возникшему эпиграветту. Парадоксальность этой картины усиливается тем фактом, что между граветтскими и эпиграветтскими памятниками Центра Русской равнины прослеживаются точки соприкосновения, по крайней мере, в технологии обработки бивня (Хлопачев, 2006), а также в произведениях искусства (Гаврилов, 2009;

Хлопачев, 2016). Кроме того, невозможно игнорировать тот факт, что для граветтских и эпиграветтских индустрий Восточно-Европейской равнины основные заготовки – это пластины, пластинки и микропластины, а среди приёмов вторичной обработки основными являются притупливающая ретушь и резцовый скол. При всём типологическом и технологическом разнообразии вариантов граветта и эпиграветта эти составляющие не позволяют однозначно утверждать, что между ними не существует преемственности технологического, а с учётом имеющихся данных по искусству – и общекультурного, развития.

Имеющиеся данные радиоуглеродного датирования стоянок Центра Русской равнины показывают, что эта территория была обитаема во время позднеледникового климатического минимума. В перигляциальной зоне хронологическую позицию, аналогичную позиции эпиориньякских стоянок степной зоны, занимают Оболонье, Радомышль и поселения замятнинской археологической культуры, среди которых опорным можно считать комплекс слоя 1а стоянки Костёнки 11. В отличие от южных эпиориньякских памятников, при раскопках стоянок Оболонье, Киево-Кирилловской и Костенки 11 (сл. 1а) были обнаружены выразительные произведения первобытного искусства, которые позволяют сделать ряд важных выводов, связанных с культурными аналогиями между названными памятниками, с одной стороны, и стоянками граветта и эпиграветта – с другой. Они настолько существенны, что дают основания по-новому поставить вопрос о характере перехода от граветта к эпиграветту, по крайней мере, на территории Центра Русской равнины.

В настоящее время можно констатировать, что на территории центральных районов Восточно-Европейской равнины, расположены верхнепалеолитические памятники, занимающие промежуточное хронологическое положение между стоянками позднего/финального граветта и эпиграветта. Их немногочисленность может быть объяснена, с учётом современного состояния источников, двояко: как результат депопуляции

данной территории и как результат пробелов в полевом обследовании этой же территории. Учитывая тот факт, что стоянка Оболонье была найдена случайно на месте, неожиданном для археологов, второй вариант объяснения представляется весьма вероятным. Материальная культура стоянок Костенки 11 (сл. 1а) и Оболонье имеет довольно существенные различия, которые не позволяют объединить их в рамках одной археологической культуры. Тем не менее, для обоих названных археологических памятников характерно широкое применение кареноидной техники раскалывания камня и минимальное использование полукрутой и притупливающей ретуши для оформления орудий. При этом предметы с вторичной обработкой, оформленные с помощью такой ретуши, имеют аналогии в каменных индустриях стоянок восточноевропейского эпиграветта. Предметы костяного и бивнёвого инвентаря, в том числе относящиеся к произведениям искусства, напротив, имеют аналогии в соответствующих категориях материальной культуры стоянок восточноевропейского позднего и финального граветта (Ахметгалеева, Дудин, 2017). При этом образы, которые содержат орнаментальные композиции на бивнях из Оболонья и Кирилловской, соотносятся с аналогичными образами, представленными как в графике, так и в скульптуре опорных памятников эпиграветта Среднего Поднепровья и Подесенья.

Всё вышеизложенное даёт все основания для положительного решения вопроса как о преемственности в развитии верхнепалеолитической материальной культуры на территории Центра Русской равнины во время поздневалдайского максимума, так и позволяют разработать характеристику её трансформации при переходе от граветта к эпиграветту на этой территории.

6.4. Проявления дезинтеграции восточного граветта Русской равнины в искусстве малых форм эпиграветтских памятников. Анализ произведений искусства памятников поздней поры верхнего палеолита центральных районов Восточно-Европейской равнины позволяет сделать

вывод о существовании глубокой взаимной связи образов зверя и женщины, и шире – человека, не только в реалистических изображениях, но также в орнаментальных мотивах и символах-знаках. За этим явлением стояли определённые представления людей, связанные, по всей видимости, с мифологией и религиозными верованиями, конкретное содержание которых нам недоступно, но реконструкция которых возможна до известных пределов при опоре на более поздние исторические материалы. Однако для целей данного исследования важно то, что собственно археологический анализ позволяет установить на стилистическом уровне генетическую связь между стоянками восточного граветта Центральной и Восточной Европы и более поздними памятниками. Эта связь проявляется, прежде всего, в трактовке образов женщины и зверя, а также – в продолжении использования орнаментального мотива многорядного зигзага. Эта прослеживаемая связь – ещё один аргумент в пользу атрибуции культуры среднерусских памятников поздней поры верхнего палеолита в качестве наследника граветтских традиций. Именно в этом смысле её следует называть эпиграветтской, отказываясь, таким образом, от представлений о существовавшем разрыве традиций между восточноевропейским граветтом и эпиграветтом.

Одновременно в искусстве эпиграветтских памятников проявляются черты, характерные для всего европейского искусства этого времени – прежде всего, в каноне построения фигуры антропоморфных статуэток и в широком развитии орнамента. Но конкретное воплощение этих тенденций подчёркивает индивидуальные черты памятников искусства малых форм каждой отдельной эпиграветтской стоянки, что ещё раз свидетельствует в пользу неоднократно высказывавшегося различными исследователями тезиса о распаде единого культурного пространства европейского граветта на более локальные образования (Soffer, 1985; Аникович, 1998; Лисицын, 1999; Амирханов, 2004; Сеницын, 2008). На территории Русской равнины этот распад, вероятнее всего, произошёл в результате внутреннего развития материальной и духовной культуры восточного граветта и не сопровождался

значительными подвижками населения.

Варианты восточноевропейского эпиграветта, которые выделяются только на основании технико-типологических характеристик каменных индустрий памятников поздней поры верхнего палеолита Днепро-деснинского бассейна, могут рассматриваться в качестве проявлений вариабельности эпиграветтского технокомплекса приледниковой зоны Восточной Европы. Однако, при их сопоставлении со стилистическими и иконографическими чертами произведений искусства малых форм обнаруживается прямая корреляция этих вариантов с локальной спецификой памятников искусства, обнаруженных при раскопках их опорных памятников. Эта корреляция даёт основания рассматривать рассмотренные в данной главе варианты восточноевропейского эпиграветта в качестве археологических культур, таксономически равных, например, костёнковско-авдеевской и хотылёвской культурам восточноевропейского граветта. Особенностью эпиграветтских археологических культур по сравнению с культурами граветта является их территориальная ограниченность. Кроме того, наблюдается отличие в каменных индустриях между эпиграветтскими памятниками Среднего Поднепровья и Подесенья, которое наиболее отчётливо проявляется в наборе острий на микропластинках и пластинках, а также в оформлении проколов.

Глава 7. Археологические объекты верхнепалеолитических стоянок

Подесенья и Среднего Поднепровья

Классификация археологических объектов верхнепалеолитических памятников, расположенных на территории бассейнов Среднего Днепра и Десны, неразрывно связана с анализом их пространственной структуры. Особенность Среднего Поднепровья и Подесенья с точки зрения археологической изученности состоит прежде всего в том, что на этой территории целый ряд опорных памятников, относящихся к поздневалдайскому времени, был раскопан на очень значительной площади. В результате, несмотря на известные методические недостатки

проводившихся при этом полевых работ, удалось получить информацию о множестве самых разнообразных объектов – от остатков жилищ до скоплений производственных отходов, относящихся к разнотипным стоянкам и поселениям. Эта источниковая база делает вполне реальной изучение процесса развития во времени пространственной структуры памятников средней и поздней поры верхнего палеолита, однотипных в таксономическом отношении.

Представленная в данной главе классификация направлена прежде всего на определение таксономического уровня структурообразующих элементов стоянок и поселений применительно к их пространственной организации. Важнейшим признаком структурообразующего элемента является доминантность, которая определяется только при выявлении композиционной организации культурного слоя (Беляева, 1998, с. 47) или, другими словами, структурного единства предметов, объектов и других остатков человеческой деятельности (Амирханов, 2000, с. 43). Таким образом, отнесение тех или иных объектов, элементов, отдельных предметов к единому уровню или поверхности обитания (Амирханов, 2000, там же; Беляева, 2002, с. 40) приобретает критически важное значение при определении их структурного положения.

Предлагаемая классификация построена по иерархическому принципу и является открытой. При её разработке использовались такие разновидности признаков, как морфологические, метрические, характер вмещающей породы и «элементарного заполнителя». Определяющими при выделении однородных групп объектов были морфологические и метрические признаки. Таксономический статус тех или иных объектов классификации определялся на основе их пространственного положения в культурном слое памятника. Выбор конкретных признаков в значительной мере базировался на накопленном к настоящему времени исследователями опыте изучения верхнепалеолитических стоянок центра Русской равнины.

Выделение наиболее крупных в иерархическом отношении групп

объектов подчинено признаку положения относительно древней поверхности обитания. К ним относятся классы углублённых и наземных объектов. Следующий уровень учитывает общие структурные характеристики и включает в себя такие группы как «очаги», «ямы-хранилища», «жилищные» ямы и ямки, «жилые западины», «скопления угля и золы», «скопления кремня», «скопления кости», «скопления кремня и угля», «сложные скопления», «скопления охры», «вертикально стоящие кости», «костные конструкции». Нижний иерархический уровень выделен на основе учёта конкретных структурных признаков, которые послужили для выделения перечисленных выше групп, а также вмещающей породы и «элементарного заполнителя». Он объединяет разновидности объектов, имеющих ключевое значение при характеристике пространственной структуры того или иного памятника.

7.1. Углублённые объекты. Этот класс включает в себя очаги, всевозможные ямы и ямки, а также жилые западины. Подавляющее большинство углублённых объектов было найдено при раскопках ставших широко известными поселений охотников на мамонта: Авдеево, Хотылёво 2, Пушкарки 1, Елисеевичи 1, Супонево, Юдиново 1, Мезин, Добраничевка, Гонцы, Межирич. Среди памятников, открытых относительно недавно, углублённые объекты были найдены на стоянках Быки 1 (Чубур, 2001) и Быки 7 (Ахметгалеева, 2004).

Очаги присутствуют на всех перечисленных памятниках с углублёнными объектами. По своим особенностям они могут быть разделены на несколько разновидностей: большой очаг костёнковско-авдеевского типа (Авдеево), очаг хотылёвско-пушкарёвского типа (Хотылёво 2, Пушкарки I, Гонцы?), малый очаг пушкарёвского типа (Пушкарки I), очаг с вертикально стоящими костями мамонта (Пушкарки I, Мезин, Межиричи), очаг с подочажной ямой (Быки 1), простой очаг (Авдеево, Хотылёво 2, Пушкарки I, Супонево).

Среди ям выделяются две большие подгруппы, которые характеризуют,

с одной стороны, памятники костёнковско-авдеевской культуры (по определению Г.П. Григорьева) и поселения среднеднепровского типа (по определению В.Я. Сергина). К первой относятся «землянки», «краевые ямы», «канавы» и «ямы-хранилища» костёнковско-авдеевского типа. На территории бассейна Днепра все они были зафиксированы при раскопках Авдеевской стоянки. Вторую подгруппу составляют «ямы-хранилища» среднеднепровского типа, которые в свою очередь могут быть разделены на несколько вариантов. Эти объекты были обнаружены на таких памятниках как Елисеевичи 1, Супонево, Юдиново 1, Мезин, Добраничевка, Межирич и Гонцы. Яма, аналогичная среднеднепровским, была также найдена в Радомышле. Кроме того, при изучении Хотылёвского, Пушкарёвского и Гонцовского поселений, а также Быков 1 и 7 были зафиксированы ямы и ямки, которые условно можно обозначить термином «жилищные», так как в большинстве случаев они связаны с комплексами объектов, составляющих остатки жилых конструкций.

На территории Среднего Поднепровья и Подесенья жилые западины были изучены на площади таких памятников как Пушкари 1 и Быки 1. Несмотря на малочисленность этих объектов, они чётко делятся на две группы: длинные и малые. Однако несмотря на то, что жилые западины Пушкарей 1 по своим размерам могут быть отнесены к разным группам, конструктивные особенности остатков жилых объектов демонстрируют между ними гораздо большую степень сходства, чем между пушкарёвским малым жилищем и жилищем Быков 1. По этой причине «жилые западины» рассматриваются по отдельным стоянкам, а не в соответствии с их метрическими признаками. Для пушкарёвских жилищ характерно расположение вдоль стенок котлована одиночных вкопанных черепов и длинных костей мамонта, а также положение непосредственно на заполнении очагов преднамеренно уложенных костей того же животного. Жилище же стоянки Быки 1 характеризовалось расположением внутри котлована большого количества небольших ям, относящихся к категории «жилищных»,

в заполнении которых находилось значительное количество предметов из расщеплённого кремня.

На всех поселениях в бассейне Десны были обнаружены вертикально и/или наклонно вкопанные кости животных, не связанные планиграфически непосредственно с очагами.

7.2. Наземные объекты. Большая часть различных групп наземных объектов, кроме костных конструкций и скоплений охры была зафиксирована при раскопках практически всех верхнепалеолитических памятников Среднего Поднепровья и Подесенья. Этот класс был разделён на следующие группы: скопления, костно-земляные конструкции и отдельные преднамеренно уложенные или поставленные кости.

Скопления. В данной работе мы можем лишь провести самое общее разделение скоплений с учётом состава «элементарного заполнителя». По этому признаку выделяются следующие разновидности: «скопления угля и золы», «скопления кремня», «скопления кости», «скопления охры» и «сложные скопления», которые сочетают в себе две или более разновидностей «элементарного заполнителя». Впрочем, абсолютно чистые скопления, состоящие исключительно из одного вида заполнителя, в реальности составляют исключительно редкое явление и свидетельствуют, скорее, о необычных обстоятельствах их появления. Такими объектами могут считаться, например, скопления охры внутри первого мезинского жилища (Шовкопляс, 1965, с. 52).

Костные конструкции. Эта группа объектов состоит из трёх разновидностей: «упорядоченно сгруппированные кости», «заслоны», «конструкции жилищ аносовско-мезинского типа». Все перечисленные разновидности объединяет упорядоченность укладки костей мамонта, однако существование их во времени неодинаково. Первые две в том или ином виде были зафиксированы на поселениях первой половины поздневалдайского времени (Хотылёво 2, Авдеево, Пушкири 1). Последняя составляет одну из самых характерных особенностей верхнепалеолитических памятников

Среднего Поднепровья и Подесенья, которые относятся к периоду второй половины позднего Валдая.

Сравнительный анализ особенностей укладки преднамеренно отобранных групп костей мамонта позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, «жилища» анововско-мезинского типа, если их несколько в пределах одного поселения (Юдиново 1, Добраничевка, Межирич) могут отличаться друг от друга по плотности и процентному соотношению различных частей костного скелета мамонта, по форме и размерам, однако способы укладки одних и тех же костей в пределах одного поселения остаются очень близкими. Во-вторых, специфика костной конструкции «жилища» проявляется в способах укладки костей, относящихся прежде всего к так называемому внешнему ограждению, которые в свою очередь зависят от ориентации по отношению к центру «жилища» и взаимного расположения костей различных частей скелета. В-третьих, таксономическое значение, выявляющее индивидуальную специфику памятника, имеет тот или иной способ укладки определённого рода костей. По этому признаку среднеднепровские «жилища» анововско-мезинского типа могут быть разделены на несколько вариантов. К первому варианту относятся «жилища» №№ 1 и 4 Юдиново 1. Вторым вариантом составляют «жилище» № 3 Юдиново 1 и «жилище» Гонцовского поселения, исследовавшееся И.Ф. Левицким и В.Я. Сергиным. «Жилища» анововско-мезинского типа, зафиксированные при раскопках Мезинского и Добраничевского поселений, возможно, относятся к самостоятельным вариантам. Особой индивидуальностью отличаются аналогичные объекты Межиричей.

Анализ археологических объектов среднеднепровских и деснинских верхнепалеолитических памятников позволяет сформулировать определение понятий «стоянка» и «поселение» для территории приледниковой зоны Восточной Европы, которое опирается на характер структурных особенностей их культурных слоёв. Поселение определённого хозяйственно-культурного типа включает в себя в виде взаимосвязанной системы

большинство групп археологических объектов, известных для памятников этого же ХКТ. Стоянка, в свою очередь, характеризуется присутствием в её культурном слое отдельных разновидностей археологических объектов, выделяемых внутри известных для данного ХКТ групп. Соответственно, для хозяйственно-культурного типа охотников на мамонтов приледниковой зоны Восточной Европы структурообразующими элементами поселений являются как группы углублённых, так и наземных объектов, а стоянок – разновидности различных групп преимущественно наземных объектов.

Археологические объекты, так же как кремнёвый и костяной инвентарь, могут быть использованы для характеристики культурной специфики памятников. Хотылёвское, Авдеевское и Пушкарёвское поселения отличаются друг от друга присущим только им сочетанием структурообразующих элементов. Такой же степенью отличия обладают и поселения среднеднепровского типа. Таксономическая одноуровневость между ними и памятниками костёнковско-авдеевского типа вызвана прежде всего повторяемостью этих двух видов поселений на территории Русской равнины. Однако, в отличие от площадок костёнковско-авдеевского типа, среднеднепровские хозяйственно-бытовые комплексы характеризуются большей степенью проявленности индивидуальных черт.

Принципиальное сходство в упорядоченной укладке преднамеренно отобранных костей, которое прослеживается на материалах таких памятников как Хотылёво 2, Пушкарёво 1 и поселений среднеднепровского типа, свидетельствует о том, что история формирования костных конструкций жилищ аносовско-мезинского типа уходит своими корнями во время распространения восточного граветта. Эти яркие объекты не могут рассматриваться как феномен, внезапно возникающий на территории Восточной Европы после поздневалдайского климатического минимума.

Поднепровские и деснинские стоянки, как и поселения, также могут быть распределены на несколько групп в зависимости от особенностей их структуроопределяющих элементов.

Некоторые археологические объекты были зафиксированы на памятниках с различной культурной спецификой. К ним относятся вкопанные вертикально или наклонно кости мамонта, группы преднамеренно уложенных крупных костей мамонта, очаги хотылёвско-пушкарёвского типа, а также – жилищные ямы и ямки.

Глава 8. Проблема происхождения и интерпретации «жилищ» аносовско-мезинского типа

Хотя существование жилищ из костей мамонта в верхнем палеолите Восточной Европы после LGM многими исследователями признается как доказанный факт (Рогачев, 1955; Шовкопляс, 1965; Пидопличко, 1969; Soffer, 1985; Попов, 2003-2004; Iakovleva, Djindjian, 2005), этот вопрос не является закрытым. Жилища аносово-мезинского типа, на первый взгляд, выглядят одиноко на общем фоне европейских верхнепалеолитических стоянок, являясь своеобразной «визитной карточкой» позднего верхнего палеолита Среднерусской равнины. Эти группы памятников не одновременны. Если эпиграветтские стоянки в бассейне Среднего Днестра и Десны, на которых зафиксированы костно-земляные конструкции аносовско-мезинского типа, периодом 15 - 12 тыс. ^{14}C л.н. (некал.), то аналогичные объекты зямьтинской культуры – существенно древнее: около 20-19 тыс. ^{14}C л.н. (некал.) (Бессуднов, 2019; Pryor et al., 2020). Кроме того, более ранние конструкции также и крупнее по размерам (Абрамова, 1997а; Дудин, Федюнин, 2019).

Этот тип археологического объекта представляет собой скорее комплекс разнообразных археологических объектов меньшего масштаба и сложности. Помимо костной структуры, в этот комплекс входят ямы, располагавшиеся вдоль её внешнего контура, а также культурный слой под костной конструкцией. Эти объекты объединяются в единый комплекс только планиграфически. Несмотря на длительную историю исследований, у нас до сих пор недостаточно археологических данных об аносово-мезинских жилищах, особенно – о стратиграфии культурных отложений внутри этого

комплекса.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что трактовка крупных упорядоченных костных структур как остатков конструкций жилищ является скорее данью историографической традиции, а не основана на специальном анализе археологических источников. История изучения этих объектов насчитывает более столетия. Первое костное скопление, позднее отнесённое к остаткам жилища, было обнаружено на стоянке Гонцы в 1905 году. Показательно, что во время раскопок Гонцовской стоянки В.М.Щербаковский и В.А. Городцов, руководившие полевыми работами, обратили внимание на особенный подбор и взаимное расположение костей (Щербаківський, 1919; Городцов, 1926). Однако ими не был сделан вывод, что данное скопление представляет собой остатки жилищной конструкции, хотя, вероятно, этот вопрос обсуждался (Гавриленко, 2011). Крупные скопления костей археологи того времени склонны были считать или результатом ритуальной, культовой, деятельности, или рассматривали их как свалку кухонных отходов (Городцов, 1923). То, что люди палеолитической эпохи на территории Восточно-Европейской равнины, да еще и в достаточно суровых климатических условиях, должны были жить в жилищах, не вызывала сомнений. Этот вопрос рассматривался уже в конце XIX в. И.С. Поляковым и В.В. Хвойко (Аникович и др., 2011). Но вплоть до раскопок С.Н. Замятина в Гагарино (Замятин, 1929), а также статьи П.П. Ефименко «Значение женщины в ориньякскую эпоху» (Ефименко, 1931) проблема жилищ не являлась одной из определяющих в отечественных исследованиях палеолитических поселений.

Причины такого хода развития научной проблематики подробно рассмотрены в историографической литературе (Платонова, 2010). Отчасти этот поворот в направлении исследований палеолитических поселений был вызван необходимостью внедрить марксистскую парадигму в археологическую науку на рубеже 1920-1930-х гг., однако и само внутреннее развитие отечественного палеолитоведения подводило археологов к

интерпретации археологических объектов, подобных найденным в Гагарино и Костёнках 1, как остатков жилищных объектов. К тому времени, когда были открыты конструкции, отнесенные А.Н. Рогачевым к жилищам аносовско-мезинского типа: в Юдиново (Поликарпович, 1968), Мезине (Шовкопляс, 1965), Добраничевке (Шовкопляс, 1955; Шовкопляс, 1972), Межиричах (Пидопличко, 1969; Пидопличко, 1976), уже сложилась утсойчивая традиция интерпретировать крупные археологические объекты с четко прослеженными границами в качестве остатков жилищ. Самыми яркими примерами среди них продолжали оставаться полуземлянки Гагарино (Тарасов, 1979), Костенок 1, сл. I (Ефименко, 1958), и Костенок 8, сл. I (Ефименко, Борисковский, 1957). Отнесение их к жилым объектам стало возможным благодаря тому, что в каждом из этих случаев был зафиксирован котлован и связанный с ним очаг. В Костенках 4 котлованы такой глубины отсутствовали, но имелись очаги с четкой привязкой к линзе скопления культурных остатков (Рогачев 1955).

В отличие от гагаринской и костёнковских полуземлянок, главным основанием для рассмотрения костно-земляных конструкций аносовско-мезинского типа в качестве развалов жилищ стало не наличие котлована с очагом в центре и не концентрация четко очерченного скопления культурного слоя вокруг очага, а регулярный характер расположения костей мамонта (Рогачев, 1962). Поскольку проблематика изучения палеолитических памятников в середине прошлого столетия в нашей стране была прочно связана с традицией выделения жилищных комплексов, то можно сказать, что объекты аносовско-мезинского типа были объявлены жилищами априорно. Скопления костей рассматривались в качестве развала стен и кровли. Соответственно, культурный слой под развалом считался авторами раскопок отложениями, сформировавшимися на полу этого своеобразного «дома». Процесс накопления культурного слоя оценивался как результат жизнедеятельности его обитателей и постепенного разрушения жилища после оставления людьми своего жилья.

Анализ современных данных о тафономии костных скоплений, открытых при раскопках стоянок Юдиново 1, Костенки 11 (сл. 1а), Мезин и Межириичи и интерпретируемых в качестве развалин кровли и стен жилищ, позволяет прийти к выводу, что данные скопления являются результатом преднамеренной укладки костей людьми и зафиксированы при раскопках в непотревоженном, или потревоженном в минимальной степени, состоянии. Предлагавшиеся И.Г. Пидопличко реконструкции жилищ были подвергнуты аргументированной критике В.В. Поповым (Попов, 2003-2004) и не могут быть признаны обоснованными. Доказан также факт разновременности больших ям и костных конструкций. Кроме того, можно проследить процесс развития в верхнем палеолите скоплений преднамеренно отобранных и уложенных костей мамонта, начиная с раннего восточного граветта и оканчивая восточным эпиграветтом. В Миловице 1 фиксируется преднамеренный отбор костей и укладка их по определенному плану. В Хотылево 2 укладка костей мамонта приобретает признаки регулярности, характерной для внешних обкладок аносовско-мезинских конструкций. Объекты стоянки Пушкари I характеризуются вкапыванием черепов мамонтов по периметру западин и преднамеренной укладкой костей в центральной части. Наконец, в скоплениях аносовско-мезинского типа соединяются все перечисленные признаки, которые прослеживаются в более ранних объектах. Таким образом, костно-земляные конструкции аносовско-мезинского типа демонстрируют заключительную, высшую, стадию развития традиции, которая лежит в основе создания крупных скоплений костей животных людьми палеолитической эпохи на территории Центральной и Восточной Европы.

Заключение

Заключительная часть диссертации содержит основные выводы работы. Материальная культура верхнепалеолитических стоянок Подесенья, и в целом всех центральных районов Русской равнины, может быть рассмотрена как результат последовательного развития во времени и

одновременно взаимного влияния целого ряда сообществ охотников на мамонтов приледниковой зоны Восточной Европы. В настоящее время общепринято отнесение памятников средней и поздней поры верхнего палеолита на территории приледниковой зоны Восточной Европы к граветту и эпиграветту, которые характеризуются вариабельностью материальной культуры. Вопросы о природе этой вариабельности, а также о культурной преемственности между восточно-европейским граветтом и эпиграветтом остаются предметом дискуссий. Одна из основных причин создавшегося положения состоит в том, что различные категории материальной культуры: каменный и костяной инвентарь, произведения искусства, а также археологические объекты и общая пространственная структура поселений рассматриваются, как правило, в отрыве друг от друга.

На территории Центра Русской равнины наиболее ранние верхнепалеолитические памятники представлены стоянками в окрестностях с. Хотылёво, культурные слои которых залегают в брянской ископаемой почве: Хотылёво 6 (сл. 3), Хотылёво 2/Б (сл. 3), Хотылёво 2/Д (сл. 2), городище «Кудеярка» (сл. 3). Коллекции каменных изделий этих памятников в настоящее время не позволяют однозначно определить их культурную принадлежность. Однако, в большинстве своём, они обладают ориньякоидными чертами, что не противоречит стратиграфической позиции этих комплексов. Обнаружение среди каменных изделий слоя 2 стоянки Хотылёво 2/Д микропластинки с притупленным краем даёт основание предполагать наличие здесь раннеграветтского комплекса.

Средняя пора верхнего палеолита представлена на рассматриваемой территории памятниками позднего и финального восточноевропейского граветта. К первой группе относятся стоянки Авдеево (так. наз. Старый и Новый объекты, а также «межобъектное пространство» (МОП)) и Хотылёво 2 (пункты А-В, к. сл. 2, и пункт Д, к. сл. 1). К финальному граветту относятся стоянки Пушкири I и Октябрьское (сл. 1). Типологически каменные индустрии рассматриваемых памятников восточного граветта могут быть

разделены на варианты, каждый из которых в пределах бассейна Десны и Верхнего Поднепровья представлены как одной стоянкой: Октябрьское II (к. сл. I), так и группами памятников: Авдеево – Бердыж, Хотылёво 2 – МОП Авдеево, Пушкари I – Ключи. Таксономически они располагаются на одном уровне. Авдеевская стоянка (Старый и Новый объекты), в отличие от остальных граветтских памятников, расположенных в бассейне Десны, относится к костёнковско-авдеевскому (костёнковскому) варианту позднего граветта, распространённому не только в приледниковой зоне Восточной Европы, но и в Центральной Европе.

Анализ корпуса женских изображений, известных для восточного граветта Русской равнины, позволяет выделить иконографические типы, которые не только включают в себя костёнковский и гагаринско-хотылёвский, но и дополняют их другими: сидящая тучная женская фигура, статуэтки с подогнутыми ногами, а также – стержневидная. Полный иконографический ряд укладывается в изображения различных стадий возраста, беременности и, возможно, зачатия и родов. Присутствие в составе женской скульптуры стоянок восточного граветта Центра Русской равнины изображений, относящихся к разным иконографическим типам, свидетельствует о едином семантическом пространстве фигуративного антропоморфного искусства восточноевропейского граветта. Вместе с тем, это единство не умаляет культурную специфику восточнограветтских стоянок.

Типологические особенности ведущих категорий материальной культуры памятников восточного граветта, датируемых временем первой половины последнего оледенения, позволяют утверждать, что вариативность внутри восточного граветта на территории Русской равнины отражает не только функциональные, сезонные и иные возможные адаптивные особенности различных стоянок. Эта вариативность является также результатом существования различных культурных традиций, достаточно локальных для того, чтобы создать эффект «культурной

мозаики», характерной для граветта Европы в целом. На территории бассейна Десны наиболее яркие проявления такого рода культурной специфики представлены материальной культурой Хотылёво 2 и Авдеево (Старый и Новый объекты). Культурное разнообразие восточного граветта позволяет предположить, что подобного рода вариативность может быть, с одной стороны, проявлением его сложной полигенетической природы и, с другой стороны - результатом определенного развития граветтских традиций во времени.

Поздняя пора верхнего палеолита на территории бассейна Десны и Среднего Поднепровья представлена памятниками эпиграветта приледниковой зоны Восточной Европы. Ранний восточноевропейский эпиграветт представлен стоянками быковской археологической культуры в Посеймье, поздний – классическими эпиграветтскими памятниками Подесенья и Среднего Поднепровья. Последние представлены памятниками, относящимися, как и стоянки восточноевропейского граветта, к различным культурным вариантам: тимоновско-юдиновскому, елисеевичскому, супоневскому, мезинскому, межиричско-добраничевскому.

Высказывавшаяся ранее точка зрения о депопуляции рассматриваемой территории в период LGM не подтверждается имеющимися данными о возрасте верхнепалеолитических стоянок региона: Радомышльской, Киево-Кирилловской, Оболонье. Технично-типологические характеристики их каменного инвентаря, а также стилистические особенности памятников искусства, обнаруженных при раскопках Кирилловской стоянки, стоянки Оболонье, а также памятников зямьтинской археологической культуры в Костёнковско-Борщёвском районе дают основания рассматривать материальную культуру памятников времени LGM на территории бассейна Десны и Среднего Поднепровья в качестве свидетельства имевшего места в это время процесса трансформации восточноевропейского граветта в эпиграветт на данной территории. «Эпиориньякский» характер каменного инвентаря стоянки Оболонье и памятников зямьтинской археологической

культуры не противоречит их связующей позиции между восточноевропейским граветтом и эпиграветтом.

Произведения искусства малых форм, найденные при раскопках восточного эпиграветта Русской равнины, позволяют сделать вывод о наличии определённой преемственности с искусством восточного граветта и одновременно свидетельствуют как о трансформации восточногограветтских традиций, так и о распаде граветтского культурного пространства.

Варианты восточноевропейского эпиграветта, которые выделяются только на основании технико-типологических характеристик каменных индустрий памятников поздней поры верхнего палеолита Днепро-деснинского бассейна, могут рассматриваться в качестве проявлений вариативности эпиграветтского технокомплекса приледниковой зоны Восточной Европы. Однако, при их сопоставлении со стилистическими и иконографическими чертами произведений искусства малых форм обнаруживается прямая корреляция этих вариантов с локальной спецификой памятников искусства, обнаруженных при раскопках их опорных памятников. Эта корреляция даёт основания рассматривать рассмотренные в данной главе варианты восточноевропейского эпиграветта в качестве археологических культур, таксономически равных, например, костёнковско-авдеевской и хотылёвской культурам восточноевропейского граветта. Особенностью эпиграветтских археологических культур по сравнению с культурами граветта является их территориальная ограниченность.

Анализ археологических объектов среднеднепровских и деснинских верхнепалеолитических памятников позволяет сформулировать определение понятий «стоянка» и «поселение», которое опирается на характер структурных особенностей их культурных слоёв. Археологические объекты стоянок, так же как их кремнёвый и костяной инвентарь, могут быть использованы для характеристики культурной специфики памятников. Хотылёвское, Авдеевское и Пушкарёвское поселения отличаются друг от друга присущим только им сочетанием структурообразующих элементов.

Такой же степенью отличия обладают и поселения среднеднепровского типа.

Принципиальное сходство в упорядоченной укладке преднамеренно отобранных костей, которое прослеживается на материалах таких памятников как Хотылёво 2, Пушкари 1 и поселений среднеднепровского типа, свидетельствует о том, что история формирования костных конструкций жилищ аносовско-мезинского типа уходит своими корнями во время распространения восточного граветта. Эти яркие объекты не могут рассматриваться как феномен, внезапно возникающий на территории Восточной Европы после поздневалдайского климатического минимума. Процесс сложения костно-земляных конструкций аносовско-мезинского типа прослеживается в верхнем палеолите Восточной и Центральной Европы на примере скоплений преднамеренно отобранных и уложенных костей мамонта, начиная с раннего восточного граветта и оканчивая восточным эпиграветтом.

Таким образом, и восточный граветт, и эпиграветт центральных районов Русской равнины могут быть разделены на различные составляющие части, отражающие как их стадияльное положение внутри данных образований, так и локальную, культурную и хозяйственную, специфику. Как общие, так и особенные черты памятников одинаково хорошо проявляются в строении отдельных археологических объектов и общей пространственной структуре стоянок и поселений, в морфологии изделий из расщеплённого кремня и стилистике произведений искусства малых форм. Их анализ показывает, что восточный граветт и восточный эпиграветт являются звеньями одной цепи, существование которой стало принципиально возможным благодаря общей культурной подоснове, формирование которой связано с ранним граветтом Центральной и Восточной Европы. Возникновение восточного граветта на Русской равнине, скорее всего, следует рассматривать как результат определённого взаимодействия между центральноевропейскими и местными культурными традициями.

Синтетический характер восточного граветта может объяснять

возникший на последующем этапе процесс его дезинтеграции, начало которого проявляется в культуре финально-восточнограветтских памятников – Пушкири I и Ключи, с одной стороны, и Октябрьское II (сл. 1) – с другой. В результате распада восточного граветта возникает восточный эпиграветт, имеющий столь же неоднородную в культурном отношении структуру, которая максимально ярко проявилась в произведениях искусства малых форм.

Положения диссертационного исследования были представлены в следующих публикациях:

Монографии.

1. Гаврилов К.Н. Верхнепалеолитическая стоянка Хотылёво 2. М.: Таус, 2008. 256 с., илл.
2. Гаврилов К.Н. Верхний палеолит бассейна Десны. Преемственность и вариабельность в развитии материальной культуры. М.;СПб.: Нестор-История, 2016. 132 с., илл.

Статьи в рецензируемых журналах, входящих в список ВАК и в международные базы цитирования.

1. Гаврилов К.Н. Женщина – зверь – орнамент. Культурная специфика в искусстве эпиграветта на русской равнине // Российская археология, 2009, № 4. С. 66-80.
2. Гаврилов К.Н. Новые произведения искусства малых форм из раскопок стоянки Хотылёво 2 (пункт В) // Краткие сообщения Института археологии (далее – КСИА). Вып. 225. М., 2011. С. 231-239.
3. Гаврилов К.Н. Произведения первобытного искусства из Хотылево 2 // Природа, 2011, № 4. С. 88.
4. Гаврилов К. Н., Воскресенская Е. В. Новый комплекс верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2: пространственная

- структура и стратиграфия культурного слоя. // КСИА. Вып. 227. М., 2012. С. 70-82.
5. Гаврилов К.Н. Двойная статуэтка из раскопок стоянки Хотылёво 2: контекст, иконография, композиция. // *Stratum Plus*, 2012, № 1. С. 279-292.
 6. Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В. Первый памятник ранней поры верхнего палеолита в Верхнем Подесенье // *Российская археология*, 2014, № 3. С. 5-18.
 7. Гаврилов К.Н., Боескоров Г.Г., Мащенко Е.Н. Подвеска из клыка медведя из раскопок Хотылёво 2 // КСИА. Вып. 230. М., 2013. С. 275-286.
 8. Гаврилов К. Н., Воскресенская Е. В., Дука К. Стоянка Хотылево 2 – пункт В: новые данные о возрасте и пространственной организации культурного слоя // КСИА. Вып. 235, 2014. С. 129-151
 9. Гаврилов К.Н. «Жилища» аносовско-мезинского типа: происхождение и интерпретация // *STRATUM plus* 2015, № 1. С. 187-203.
 10. Gavrilov Konstantin N., Voskresenskaya Ekaterina V., Maschenko Evgeny N., Douka Katerina. 2015. East Gravettian Khotylevo 2 site: Stratigraphy, archeozoology, and spatial organization of the cultural layer at the newly explored area of the site. *Quaternary International* 359-360 (2015), pp. 335-346.
 11. Гаврилов К.Н. Археологический контекст антропоморфной скульптуры стоянки Хотылево 2. // *Вестник Дагестанского Научного Центра*, № 58, 2015. С.49-59.
 12. Гаврилов К.Н. Миграция, диффузия...развитие? К вопросу о происхождении восточного граветта на Русской равнине // *Stratum plus*, № 1, 2016. С. 29-50.
 13. Гаврилов К. Н., Лев С. Ю. Палеолитическая Даная: шедевр из раскопок Хотылёво 2, 2016 г. // КСИА. Вып. 249. М., 2017. С. 42-49.

14. Н.Е. Зарецкая, К.Н. Гаврилов, А.В. Панин, Р.И. Нечушкин. Геохронологические данные и археологические представления о времени существования опорных памятников восточного граветта на Русской равнине // *Российская археология*, 2018, № 1. С. 3-16.
15. К.Н. Гаврилов, Г. А. Хлопачев. Новая женская статуэтка со стоянки Хотылёво 2: изобразительный канон и археологический контекст // *Camera Praehistorica*, 2018, № 1 (1). С. 8-23.
16. К.Н. Гаврилов. Типология, иконография и археологический контекст женских статуэток восточного граветта Русской равнины // *Вестник МГУ. Серия XXIII. Антропология*, 2018, № 4. С. 93-109.
17. Г.А. Хлопачев, К.Н. Гаврилов. Палеолитические жилища аносковско-мезинского типа: конструктивные особенности и проблема интерпретации // *Российская археология*, 2019, № 4. С. 27-42.
18. Гаврилов К.Н. Археологический контекст искусства малых форм верхнепалеолитической стоянки Хотылево 2, пункт В // *КСИА. Вып. 260. М., 2020. С. 106 –124.*
19. Konstantin N. Gavrilov. The Epigravettian of Central Russian Plain // *Quaternary International* 587-588 (2021), pp. 326-343.
20. Golyeva, A.; Gavrilov, K.; Engovatova, A.; Mergelov, N.; Fazuldinova, N. The Pyrogenic Archives of Anthropogenically Transformed Soils in Central Russia. // *Geosciences* 2021, 11, 165. <https://doi.org/10.3390/geosciences11040165>.
21. Пахунов А.С., Гаврилов К.Н., Еськова Д.К. Пигменты из культурного слоя стоянки Хотылево 2: предварительные результаты анализа состава образцов // *КСИА. Вып. 265. М., 2021. С. 359-374.*
22. Гаврилов К.Н., Хлопачев Г.А., Еськова Д.К. Новая антропоморфная статуэтка верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2 (пункт В, раскопки 2020 года) // *КСИА. Вып. 269. М., 2022. С. 7-21.* <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.269.7-21>.

23. Gavriloв Konstantin N. Who lived in the Mammoth Bone Dwellings? // L'anthropologie 128 (2024) 103261; <https://doi.org/10.1016/j.anthro.2024.103261>.

Статьи в рецензируемых журналах не из списка ВАК

1. Гаврилов К.Н. Переход от средней к поздней поре верхнего палеолита в центре Русской равнины: реколонизация или автохтонное развитие? // *Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований*. 2023 (1), с. 47–67. DOI: 10.31600/2658-3925-2023-1-47-67.

Статьи в сборниках

1. Гаврилов К.Н. Структура Хотылевского верхнепалеолитического поселения // ВОСТОЧНЫЙ ГРАВЕТТ. М.: Научный мир, 1998. С. 177-190.
2. Гаврилов К.Н. Типология каменных орудий и культурная принадлежность Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. М.: Научный Мир, 2004. С. 262-284.
3. Гаврилов К.Н. О периодизации восточнограветтийских стоянок Днепро-Деснинского бассейна // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: ACADEMIA, 2005. С. 29-45.
4. Гаврилов К.Н. Планиграфия изделий из расщеплённого кремня верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2 // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М.Д. Гвоздовер) М., 2007. С. 189-232.
5. Гаврилов К.Н. Археологические объекты верхнепалеолитических стоянок Среднего Поднепровья и Подесенья // Своеобразие и особенности адаптации культур лесной зоны Северной Евразии в финальном плейстоцене – раннем голоцене. Отв. ред. М.Г. Жилин. М., 2007. С. 33-72.

6. Гаврилов К.Н. Планиграфия изделий из кости и бивня верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2 // Археологический альманах, № 19. Донецк: ООО «Апекс», 2008. С. 137-170.
7. Гаврилов К.Н. Стоянка Хотылёво 6 (сл. 3): предварительные итоги раскопок 2004 г. // Палеолит и Мезолит Восточной Европы: сб. ст. в честь 60-летия Хизри Амирхановича Амирханова / Учреждение Российской акад. наук, Ин-т археологии РАН ; отв. ред. К.Н. Гаврилов. — М.: Ин-т археологии РАН: Таус, 2011. С. 169-184.
8. Гаврилов К.Н. Восточный граветт Подесенья // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014, (Замятнинский сборник. Вып. 3). С. 171-190.
9. Гаврилов К.Н. Второй культурный слой стоянки Хотылёво 6 // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой: Сборник научных статей. — СПб.: Издательство С.-Петербур. гос. ун-та, 2014. (Труды исторического факультета С.-Петербур. гос. ун-та. Т. 18.). С. 105-119.
10. Гаврилов К.Н. Восточный эпиграветт на территории бассейна Десны // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. (Archaeologica Petropolitana). С. 205-216.
11. Гаврилов К.Н. Археологический контекст новых радиоуглеродных датировок стоянки Хотылёво 2, пункт В // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. Г.А. Хлопачев (отв. Ред.) — СПб.: МАЭ РАН, 2015. (Замятнинский сборник. Вып. 4). С. 103-112.
12. Воскресенская Е.В., Гаврилов К.Н., Зарецкая Н.Е., Панин А.В. О периодизации памятников верхнего палеолита в окрестностях села Хотылёво // Русский сборник. Вып. 8, том 1. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 33-43.

13. Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В., Машенко Е.Н. Верхнепалеолитические стоянки в окрестностях с. Хотылёво. // Л.Б. Вишняцкий, Е.В. Воскресенская, Н.Е. Зарецкая, К.Н. Гаврилов, Ю.Н. Грибченко, Е.И. Куренкова, Е.Н. Машенко, А.К. Очередной, К.Н. Степанова, Г.А. Хлопачев, J.F. Hoffecker, M. Frouin, T. Higham. Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта. Путеводитель конференции — полевого семинара. Ред. К.Н. Гаврилов, А.К. Очередной, М.Н. Желтова. — М.: Ин-т археологии РАН, 2019. С. 145-178.
14. Gavrilov Konstantin N. Upper Paleolithic of the Central East European Plain at LGM: depopulation and recolonization or transformation? // O viață dedicată paleoliticului : studii in onorem Marin Cărciumaru = A life dedicated to the paleolithic : studies in onorem Marin Cărciumaru / ed.: Ovidiu Cîrstina, Elena-Cristina Nițu. - Târgoviște: Cetatea de scaun, 2022. P. 153-168.